

ЖИВИЛЬ БОГУН

ДОМ ТЕНЕЙ

«Liberaliter tracto»

«Оказываю гостеприимство»

Живиль Богун

Дом Теней

«Автор»

2024

Богун Ж.

Дом Теней / Ж. Богун — «Автор», 2024

Что плохого в том, что неизвестная родственница завещала тебе дом где-то в Сибири? Правда, ты живешь в Неаполе и отнюдь не намерена становиться декабристкой. Но ведь недвижимость можно продать! Именно так и собирается поступить София. Вот только оказывается, что дом достался ей вместе с жильцами – целой толпой призраков. Вместо того, чтобы испугаться и убежать, София погружается в расследование любовной истории более чем столетней давности. Ее сыновья Филипп и Денис, не по годам умные и бесстрашные подростки, пытаются помочь маме, знакомятся с некой Алисой из Зазеркалья и узнают, что их новый дом принадлежит к сети тайных гостиниц...

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Так себе начало	7
Глава 2. «Принцесса была прекрасная...»	14
Глава 4. Первая ночь	32
Глава 5. День второй	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Живиль Богун

Дом Теней

Предисловие

Тени являются тому, кто им нужен.

Тени видит лишь тот, кому они нужны.

Когда? Обычно в полночь, когда часы на башне ратуши начинают последний отсчет. Гулкий звон катится по черепичным крышам, заставляя дрожать флюгеры и гася робкие огоньки в мансардных окнах, стекает по стенам домов и витринам магазинов, по колоннам дворцов и статуям фонтанов, заливает тротуары и мостовые, сочится в цоколи, подвалы и винные погреба, накрывает даже неприглядный лабиринт сточных труб – чтобы смыть с города весь его дневной грим, маскировочный налет, принимаемый за реальность. Правда, ненадолго, лишь на двенадцать тягучих мгновений – пока длится Время Теней...

Стоп-стоп-стоп! Эка тебя занесло, рассказчик! А если в городе нет башенных часов? И ратуши нет. А также черепичных крыш с флюгерами, булыжных мостовых, дворцов с колоннами и статуей в брызгах фонтанов. Нет даже винных погребков!

Неважно, Время Теней есть везде. Час, когда они выходят на свет. Зачем? Чтобы напомнить о себе, разумеется: мол, мы всё еще здесь, мы не исчезли, не сгнули за гранью миров! И нет в этом злого умысла, только надежда, что кто-то наконец их увидит – не всякий, нет, лишь тот, кого они ждут... А после они смиренно возвращаются в свои убежища, чтобы дальше ждать и надеяться, надеяться и ждать. Теням не занимать терпенья.

А где же они обитают, эти загадочные фантомы, эти безропотные химеры? Наверняка в развалинах замков, в заброшенных особняках да на погостах? Совсем не обязательно. Порой они рядом, по соседству...

Вот, например, ветхий дом в конце проулка, на заросшем ивняком берегу. Здесь давно никто не живет: ворота сломаны, нижние окна заколочены досками, верхние скрывает толстый слой пыли. Но ровно в полночь черные прямоугольники слева озаряются сиянием хрустальной люстры. В тройном круге света, за накрытым парадной скатертью столом, двое пьют чай: он задумчиво, неспешно, она торопливо, то и дело сдувая пар над стаканом – чай-то горячий, хоть и заварен больше века назад...

А вот тоненькие полоски света пробиваются сквозь шторы на соседнем окне! Хочешь знать, что за ним? Вроде ничего особенного: письменный стол, заваленный книгами и тетрадями, один конец расчищен для шахматной доски. Над ней неподвижно сидят два старика: ситуация патовая, да, но в этой партии ничья невозможна, вот и длится она... сколько уже? Лет пятьдесят, если не больше.

Ага, вот и в окошке под крышей мигает огонек керосиновой лампы, выхватывая из тьмы золоченый овал, а в нем – дородную девку с косой через плечо. Однако строгий наряд горничной не вяжется с румяным крестьянским лицом, как и дорогое зеркало – со скудной обстановкой чердачной каморки. Девушка прикладывает к полной груди платье из голубого шелка и с восторгом глядит на свое отражение, перечеркнутое трещиной – она не верит в дурацкие приметы...

И всё в одном доме! А сколько еще тайн скрывает твой город, пусть и лишенный курантов, средневековых развалин и прочих милых прелестей!

Ведь Время Теней есть везде...

«Принцесса была

*прекрасная,
Погода была
ужасная.
Днем
Во втором часу
Заблудилась принцесса
В лесу <...>*

*А может быть, было все наоборот:
Погода была
Прекрасная,
Принцесса была
Ужасная...»*

(Ю. Сапгир «Людоед и принцесса»)

Глава 1. Так себе начало

Разве может что-то хорошее, удивительное и неповторимое возникнуть из пресной обыденности? Вряд ли. Начало должно быть ярким, интригующим. И уж точно не шаблонным, вроде:

«– *Распишитесь в получении, пожалуйста.*

– *Ах да, конечно!*

– *Вот здесь, где галочка.*

Она чиркает закорючку на бланке, не сводя глаз с доставленного курьером конверта...»

Что, так себе зачин? Ну да... Бог знает сколько романов стартуют с главы «Неожиданное наследство», сколько сериалов запускаются с эпизода, где главный герой, а чаще героиня, узнает об описанном ему или ей богатстве! И неважно, что это: бесценная книга, карта сокровищ, масонский перстень или диадема императрицы, счет в швейцарском банке, квартира на Монмартре, вилла в Тоскане или, на худой конец, дача в Подмосковье – штамп есть штамп!

Вот и заря новой жизни Софии оригинальностью не блеснула: утро, звонок в дверь, курьер, письмо из нотариальной конторы с кратким уведомлением и визитной карточкой агента, с которым следовало связаться в ближайшее время. Необычным оказалось лишь местонахождение завещанной ей недвижимости. Там у Софии не было никого. В целом родни, конечно, хватало: мама с отчимом в Гамбурге да бабуля с дедулей в Питере, а также дяди, тети и кузены в разных концах света, все живы-здоровы, слава богу. От родителей отца досталась трехкомнатная квартира в Сочи; хорошо, что послушалась совета отчима, не продала ее, и вот уже шесть лет регулярно получаемая арендная плата позволяет Софии с мальчиками жить безбедно, тем более что Джеймс тоже не скупится на содержание сыновей.

Однако в сибирском городе М у нее не было никого. Никого и никогда...

– Ма-ам? – Денис прошлепал из ванной на кухню, но остановился, заметив в прихожей мать с конвертом в руке. – Это из школы? – он нервно провел рукой по длинным влажным волосам, совсем как Джеймс, когда волновался, однако в хриплом голосе звучала скорее надежда, чем опасение.

– Господи, Ден, ты опять до ночи купался? – София машинально спрятала письмо за спину. – Осип совсем! Давай заварю ромашки...

– Меня отчисляют? – сын смотрел на нее, прищурился чуть близорукие, но очень выразительные глаза.

– С чего бы? – София метнулась на кухню и включила электрочайник, попутно закинув конверт на холодильник, где уже высилась груда разномастных бумажек: счета, открытки, рекламные буклеты. – Один-единственный негод – еще не повод для отчисления. Я же говорила, они лишь хотят, чтобы ты пересдал историю в начале нового семестра. И ты легко сдашь на отлично, если не будешь больше называть эллинов и римлян потомками древних славян...

– Но я читал...

– Ден, я же тебе говорила: не путай историческое фэнтези с учебниками!

– Я и не путаю – фэнтези в сто раз прикольнее!

Звеня склянками в поисках ромашки аптечной – верным средством от всех болезней, София не заметила, как тяжелый конверт соскользнул со стопки прямо в руки вошедшему следом Денису.

– Из России, однако! – он взгляделся в обратный адрес, напечатанный кириллицей, и недоуменно поморщился. – Нотариус... Мам, а это что за птица?

София невольно улыбнулась: за неделю белых ночей Денис нахватался от деда забавных старомодных выражений. Но ответить не успела.

– Птица – секретарь, а нотариус – это такой чиновник, который заверяет всякие там документы... – из-за буфета высунулась вихрастая голова Филиппа: мягкие каштановые волосы, отросшие за лето, слиплись от морской соли, глаза, чуть более темные, чем у младшего брата, припухли со сна.

– Заверяет? – не понял Денис.

– Ну, печати ставит, типа все законно... – зевнув, Филипп открыл холодильник и достал бутылку молока. – А что?

– Во, смотри, что маме принесли, – Денис сунул брату под нос конверт. – Круть!

– Положите на место, – София на миг оторвалась от приготовления отвара. – И не пей холодное, Фил!

– Это Дену нельзя, а у меня не бывает ангины, я закаленный, – безмятежно возразил старший сын, наливая себе полный стакан молока.

– Потерпи пять минут, сырники разогрею...

– Так что это за письмо, мам? – пояснения брата лишь распалили любопытство Дениса.

Филипп тоже застыл в ожидании ответа. Вот стоят оба, худющие и длинноногие, смотрят на тебя огромными васильковыми глазами – а ты так и млеешь, готовая смеяться и плакать от счастья... Как же быстро они растут! Еще немного, и вымахают выше нее. Мальчики почти одного роста и так похожи, что их принимают за близнецов. Хотя на самом деле Филипп старше на год и три месяца, о чем напоминает по пять раз на дню...

– Потом расскажу, – опомнившись, София брякнула сковороду на маленькую электрическую плиту.

– Когда потом? – не отставал младший.

– Когда вы оба нормально позавтракаете и ты прополощешь горло! – она положила на сковороду четыре больших сырника, подумала и втиснула еще один, для себя, хотя обычно по утрам только кофе пила. – И когда сама пойму, что это значит, – добавила со вздохом.

– А сейчас не понимаешь?

– К сожалению, нет. Но в письме указан номер телефона. Позвоню, и все прояснится. Надеюсь.

Денис кивнул и тотчас переключился на брата. Импульсивный и нетерпеливый, он был не в силах долго держать в себе то, что представлялось ему важным, и с утра пораньше вываливал домашним уйму прочитанного, увиденного, услышанного за предыдущий день. Понятное дело, пропустив через призму собственного, порой совсем еще детского восприятия. Вот и теперь, едва усевшись за узкий, как в поезде, столик – размеры кухни большего не позволяли – Ден принялся извергать поток невероятных сведений о древних шумерах, при этом энергично жестикулируя и качаясь на табурете. Филипп внимал сдержанно, не отрываясь от дела: он резал огурцы на тонкие кружочки, а хлеб и сыр на идеально ровные ломтики. При этом не забывал подавать скептические замечания, от которых младший распался еще больше.

София слушала разговор сыновей вполуха. Покоя не давал предстоящий звонок. Ждать она не любила, как и откладывать на потом. Поэтому первым делом прикинула, удобно ли звонить агенту прямо сейчас – может, у них там глубокая ночь, еще или уже. К такой осмотрительности хочешь не хочешь привыкаешь, когда твой бывший муж живет во Флориде, а мать мечется между Гамбургом и Питером. Да и ты больше трех месяцев в одной стране не задерживаешься. «Вот же кочевница, – ворчал Рихард, ее отчим, – самой на месте не сидится, еще детей за собой таскаешь. Вся в мать! У вас в роду точно рома не водились?» Вопрос был риторическим: из бледной голубоглазой блондинки так себе цыганка...

– Осторожнее! – воскликнула София, когда Денис чуть не выбил из ее рук тарелку, демонстрируя ширину шумерских каналов. – Мальчики, что-то я совсем запуталась: в России сейчас сколько времени?

– В Москве или где? – деловито уточнил младший, вонзая вилку в самый поджаристый сырник. – В России одиннадцать часовых поясов. И три климатических, если что.

София растерянно заморгала. Она представления не имела, в каком из поясов ее необъятной родины находится город М.

– В любом случае, там уже день, – пришел на помощь Филипп. – А на Камчатке так даже вечер. И в Якутии тоже.

– Какая Якутия? Бр-р-р! – Софию аж передернуло. – У меня аллергия на снег.

– Разве такая бывает? – ухмыльнулся младший.

– В особых случаях, – подмигнул ему старший. – Иначе почему мама никогда не ездит с нами на горнолыжку?

И то правда: кататься на лыжах их возил отец, в последние два раза – в компании с Моникой, новой женой.

– Ладно, хватит гадать, – снова вздохнула София. – Где мой мобильник?

– На зарядке, – подсказал Филипп.

– Точно!

Она улыбнулась – куда решительнее, чем чувствовала себя на самом деле, схватила письмо и в два шага очутилась в той части крохотной квартирki, что служила ее комнатой: здесь стоял диван, комод и огромный скрипучий буфет, за которым, собственно, и таилась миниатюрная кухня. Спальню занимали мальчики. Да, не самое роскошное жилище, зато в старом Неаполе, в узком каменном доме между пекарней и аптекой, с балконом, откуда виден край северной бухты... Пожалуй, они задержатся здесь до Нового года. А может, и до весны.

Мальчики притихли – явно наострили уши. Пускай. Они ее не стесняли. Наоборот, в их присутствии София чувствовала себя уверенной и сильной. А какой еще может быть женщина с двумя сыновьями-подростками? Которые, кстати, в любой момент могут уехать к отцу, однако предпочитают оставаться с матерью...

Все, пора.

«И пошла потихоньку принцесса...»

Она выудила из конверта визитную карточку. На жестком белом прямоугольнике два слова стандартным черным шрифтом: «Михаил, поверенный» – и номер мобильного телефона. Воистину образец лаконичности.

Она быстро набрала номер и прочистила горло. Ответили после первого же гудка:

– Слушаю.

Голос был низкий, строгий, с ноткой нетерпения, словно звонок отвлек говорящего от сверхважных дел. И София мгновенно оробела. Она никогда не умела общаться с чиновниками.

– Здравствуйте, – пролепетала она в трубку. – Я сегодня получила письмо... то есть уведомление. О завещании. Там ваш номер. Вот я и...

– Вы София, верно?

Вот же клуша, забыла представиться! Сколько раз мать учила ее, с чего следует начинать любой официальный разговор... Однако голос невидимого собеседника внезапно потеплел:

– Рад, что вы сразу откликнулись. Ведь времени осталось всего ничего.

– Как... ничего?

– Это не ваша вина. Просто мы очень долго вас искали.

Ну да, конечно, она ведь кочевница, к тому же номер мобильного за год дважды сменила...

– Вы можете приехать немедленно? – настойчиво продолжал собеседник.

– З-зачем?

– Чтобы вступить во владение завещанным вам имуществом. Иначе дом снесут, а участок пойдет с молотка. Найдется немало желающих приобрести землю в таком выгодном месте.

Дом, участок, выгодное место – господи, о чем это он?

– Так вы приедете? – в деловито-вежливом голосе снова завибрировали нотки нетерпения.

– Да! – испуганно брякнула София.

– Очень хорошо. Сообщите время прибытия, я вас встречу, передам документы и ключи.

Поверенный отключился раньше, чем она успела что-либо сообразить. А когда наконец опомнилась, было уже поздно.

– Ма-ам? – Денис высунул голову из-за буфета. – Ты поедешь?

– Похоже на то, – София попыталась улыбнуться. Получилось не очень.

– Куда именно? – Филипп выглянул из-за плеча брата.

– В город М, – машинально ответила она. – Кажется, это где-то на юге Сибири...

– Ура-а, мы едем в Сибирь! – вопль Дениса наверняка услышали даже на улице, залитой щедрым итальянским солнцем.

«Си-бирь! Си-бирь! Си-бирь...» – эхом отозвалось у нее в голове.

И вдруг она вспомнила: бескрайний зеленый ковер с блестящими прожилками, по махровой поверхности стремительно скользит тень самолета. «Тайга!» – говорит папа, глядя в иллюминатор через плечо Софии. Его борода щекочет ей ухо, она смеется. А папа повторяет, гордо и торжественно: «Тайга!..»

Господи, сколько же ей тогда было? Года три, не больше. По словам мамы, они лишь раз летали к отцу на базу, где-то на Нижней Тунгуске, и сбежали оттуда через пару дней, не выдержав натиска мошки. Были даже какие-то фотографии: курумы – пугающие россыпи каменных глыб, суровая таежная река, улыбчивые бородачи в майках и камуфляжных штанах – папины друзья, геологи-разведчики, и сам папа, точно гномик, у колеса гигантского самосвала... Где теперь эти снимки? После гибели отца София с мамой трижды переезжали, пока не оказались в доме Рихарда. София хранила у себя только одну фотографию: она, надув щеки, склонилась над тортом с семью свечками, а папа смотрит на нее и улыбается... Спустя месяц его не стало. Первый раз в первый класс Софию отвели бабуля с дедулей, мама была в больнице – с осложнениями после выкидыша, как она узнала гораздо позже...

– Ма-ам? – Денис осторожно тронул ее за плечо. – Это там погиб дед Андрей, да?

София вздрогнула.

– Нет, что ты! Он погиб намного севернее... наверное.

– Сибирь – это почти двадцать твоих Франций! – поучительно вставил Филипп, не отрывая взгляда от смартфона.

– А твоих Венгрий? – не остался в долгу Денис.

– Щас скажу... Сто... сто сорок.

– То-то же!

София хмыкнула: опять они за свое! Старший родился в Будапеште, а младший в Лионе, и они постоянно спорили, кем лучше быть – французом или венгром, слава богу, теперь уже только в шутку.

– Ладно, не будем тянуть резину, – сказала она твердо. – Надо посмотреть билеты...

– Уже, – Филипп наконец оторвался от экрана смартфона. – Есть три места до Москвы завтра утром. Там пересадка. Ближайший к М аэропорт находится в Аб... как его... Абакане.

– А разве нет рейса до Питера? Я бы...

Денис не дал ей договорить.

– Ты ведь не собираешься оставить нас у бабули с дедулей? Мам, так нечестно! Мы еще никогда не были в Сибири!

– Мальчики, я же только туда и обратно, на день-два, не больше... – попыталась вразумить их София.

Зря старалась – мужчины уже все решили.

С другой стороны, ей ли учить детей уму-разуму? Если бы она проявила хоть каплю сообразительности, то не стала бы обещать настырному Михаилу, что прибудет в М лично, да еще немедленно. Вопрос наследства наверняка можно решить, не вставая с дивана: достаточно просто оформить доверенность, пусть продают совершенно не нужный ей дом и участок «в таком выгодном месте», а ей переведут деньги – она уж найдет, на что их потратить... Увы, эта умная мысль посетила ее слишком поздно: билеты были уже куплены, чемоданы уложены, а главное, Денис успел всем друзьям в соцсетях сообщить, что едет покорять Сибирь...

Вечер перед вылетом выдался еще более сумбурным, чем обычно. Мальчишки сразу после обеда убежали на пляж, чтобы вдоволь накупаться в теплом море, прежде чем отправиться в вечную мерзлоту – так они сказали. Вернулись поздно, уже в сумерках, вспомнили, что надо позвонить отцу. Выслушав восторженный рассказ младшего сына о предстоящей поездке в Арктику, Джеймс, разумеется, не поверил ни единому слову.

- Ты романы писать еще не пробовал, Денни? – рассмеялся он.
- Не-а. Это Фил у нас вечно что-то строчит...
- Надеюсь, не фантастику? Передай-ка трубку брату!
- Привет, папа, – с готовностью отозвался стоявший рядом Филипп.
- Фил, сынок, вы действительно куда-то собрались?
- Да, папа.
- Надеюсь, не на Северный полюс, как утверждает Ден?
- Нет, папа. Он, как обычно, слегка преувеличил.
- Насколько?
- Где-то на... четыре тысячи километров.
- Хм! Так оттуда и уже до экватора недалеко?
- Примерно столько же. Хотя точно не знаю, не проверял.
- Понятно... Дай-ка мне маму, Фил.
- Ага. Пока, пап! Мы позвоним, как только будем на месте.

София нерешительно взяла трубку: она была теплой от рук сыновей, пахла морем, имбирным лимонадом и шоколадным мороженым.

– Привет, Джеймс, – сказала осторожно. Он легко мог запретить ей везти сыновей к черту на кулички. Имел полное право.

Однако голос бывшего мужа звучал весело:

– Ну привет, привет! Куда тебя опять понесло, Софи? Ладно бы на юг, как-никак, осень на носу. Но в Сибирь... Замерзнуть не боишься?

Ага, шутит – это хорошо. Но как-то натянуто – значит, все же волнуется.

– Фил говорит, М находится на одной параллели с Гамбургом, – ответила она старательно небрежно. – Так что пару дней уж как-нибудь продержусь.

– Так ты всего на пару дней? – выдохнул Джеймс с явным облегчением.

– Два-три, не больше... А-а, я поняла: Ден небось наплел тебе, что мы будем полгода дрейфовать на льдинах с белыми медведями?

– Вроде того.

– Расслабься! Просто у меня там небольшое дельце образовалось, требует личного присутствия.

– Дельце? У тебя?

Сомнение бывшего мужа было немного оскорбительным, но вполне обоснованным: назвать Софию деловой женщиной мог только совершенно не знающий ее человек, а с Джеймсом она была знакома ужас как давно.

– Вступление в наследство, – неохотно пояснила она.

– Ого!

– Если честно, сама пока не знаю, ого или не ого. Как только что-то прояснится, обязательно тебе сообщу.

– Понятно... И все же было бы разумнее оставить мальчиков у твоей мамы. Или у бабушки. Зачем тащить их в такую даль всего на два дня?

– Абсолютно с тобой согласна, Джимми! Вот только мальчики считают иначе.

– Ну да, ну да... И в кого они у нас такие... своенравные? – Перед тем, как заделаться фермером, Джеймс норовил стать писателем и выучил много красивых слов.

– Понятия не имею, – искренне ответила София.

На том и распрощались.

Отправив парней спать, она еще долго возилась, пыталась навести в квартире хотя бы видимость порядка – всегда приятнее возвращаться в прибранный дом. Это только кажется, что маленькая жилплощадь требует меньше уборки. Приходится распахивать пожитки по антресолям, шкапам и полкам, чтобы не валялись на виду и не загромождали пространство, а потом переворачивать дом вверх дном, чтобы найти вдруг срочно понадобившийся предмет. Кочевой образ жизни не позволяет обрастать бараклом, и София старалась покупать лишь самое необходимое. Но когда в доме обитают два быстро растущих мужских организма плюс молодая женщина, которой необходимо чувствовать себя красивой, вещи накапливаются сами собой.

В просторном особняке Рихарда – самом благоустроенном жилище, какое она когда-либо видела – каждая мелочь имела свое место, и хотя полов, зеркал, подоконников и прочих поверхностей, подлежащих регулярному мытью и протиранию, там было, наверное, с полгектара, однако они почему-то не пачкались и не пылились так быстро, как жалкие съемные метры, в которых обитала София уже – ого! – половину жизни. Почти половину. Она убежала из дома в семнадцать, дистанционно окончила школу, вняв скорее мольбам матери, чем угрызениям собственной совести, полтора года моталась с Джимми по закоулкам Европы и стала его законной женой за неделю до рождения Филиппа. Год спустя появился еще и Денис. «Вместе им будет веселее расти», – объясняла София недоумевающим подругам и родственникам. Молодым родителям пришлось на пару лет умерить страсть к путешествиям. Но как только Ден научился передвигаться самостоятельно, семейство снова принялось колесить по миру, уже вчетвером... А теперь вот втроем.

Мальчики еще не спали: из спальни доносилось монотонное бормотание и приглушенный смех. Постучавшись, она чуть приоткрыла дверь и протолкнула в проем большую картонную коробку.

– Тут ваши ролики и кеды, засуньте под стол или под кровать, – сказала, не заходя в комнату: по себе помнила, как важна для подростков неприкосновенность личного пространства. – Прихожая уже битком набита.

– Лучше сразу сдать в сэконд, к следующему лету все равно будут малы, – резонно отозвался Филипп.

– Вот вернемся, и унесешь. Утром не успеем... – Контейнер для ненужных вещей стоял за супермаркетом в двух кварталах. – Спице уже, завтра рано вставать!

Сама же отправилась убирать из холодильника скоропортящиеся продукты и проверять, все ли собрано в дорогу. Было уже почти два, когда София наконец растянулась на диване, даже не разложив его – спать оставалось часа четыре. Однако сон не шел. Опять всплыл из глубин памяти давний-предавний вид из окна самолета – зеленое море тайги... Странно, что за тридцать лет она ни разу не вспомнила о той поездке. Хотя нет, ничего странного: это называется «защитная реакция психики». Какой ребенок захочет жить болью утраты? Вот мозг и затолкал тягостное воспоминание в дальний угол...

Все, хватит раздумий, завтра надо быть сильной и бодрой! София заставила себя закрыть глаза и выкинуть из головы все мысли. Однако сложный механизм глубинной памяти, раз

неожиданно заработав, не желал снова отключаться. Один эпизод потянул за ниточку второй, третий... вдруг вспышка! – и ослепительно яркая картинка.

Она вспомнила *тот* дом.

Глава 2. «Принцесса была прекрасная...»

Что такое впечатление? Обыватель скажет, что это некий след, оставленный в сознании человека чем-то пережитым или воспринятым; в сознании, в душе, в чувственном мире – кому как больше нравится. Ученые предлагают куда более конкретное определение: впечатление – это воспоминание с повышенной эмоциональной окраской; к тому же делят процесс на две составляющие: непосредственно само запечатление, затем уже переживание, вызванное оным.

А еще говорят, что ребенок живет впечатлениями, поэтому искусство воспитания – это умение устраивать детям незабываемые спектакли, которые на уровне эмоциональной памяти преподнесут им нужные уроки. Взрослые тоже не прочь погоняться за новыми ощущениями, но это уже другое: тоска по ушедшей молодости и легкости бытия, попытка сбежать от повседневности. Если вспомнить, в детстве даже самые обычные вещи воспринимались иначе: цвета – ярче и чище, звуки четче, запахи – острее (София как-то по запаху обнаружила шоколадного зайца, спрятанного мамой в нижнем ящике письменного стола). К тому же детские впечатления сильнее, порой настолько, что определяют всю дальнейшую жизнь. Или наоборот, сидят в закоулках памяти невидимо-неслышно, таятся годами, десятилетиями – и вдруг совершенно неожиданно выскакивают на свет!

Похоже, с Софией произошел именно такой казус. Еще вчера она могла поклясться, что никогда не была в городе М, даже не слышала о нем ранее. Но хватило доли секунды, чтобы вспышка, озарившая память, вырвала из мутной бездны сияющий образ: великолепный светлый дом, даже не дом, а терем – да, терем, настоящий сказочный терем, какие иногда рисуют в хороших детских книжках. Со всеми полагающимися башенками, крылечками, наличниками, ставенками, радужными бликами в окошках, убранных в мелкий переплет, и прочей красотой. А еще дорожка, усыпанная хрустящими камешками, обрамленная яркими, безумно сладко пахнущими цветами, и маленькие ножки в красных сандаликах, совсем новых и от этого не очень удобных...

Теперь этот образ возвращался к ней постоянно, прошенный и непрошенный. Только закроет глаза – и вот он, сказочный терем, сияет в ослепительных лучах солнца, и красные сандалики топают к резному крылечку по мелкому блестящему гравию! В итоге ей не удалось толком поспать ни во время полета, ни в ожидании пересадки. Мальчишки же, наоборот, дрыхли почти всю дорогу. Но все равно отчаянно зевали, таща сумки к выходу из маленького провинциального аэропорта: на их биологических часах было всего полтретьего ночи. София, полупьяная от недосыпа и перевозбуждения – не самая приятная смесь состояний – катила следом свой чемодан, из последних сил стараясь казаться бодрой и уверенной в себе.

Зато едва ступив наружу, протрезвела мгновенно – от удара ледяного ветра в лицо. Понятное дело, Сибирь! Дрожа даже в зимней куртке, она виновато покосилась на сыновей и опешила: мальчишки, еще вчера плескавшиеся в Неаполитанском заливе, с веселой жадностью глотали обжигающе холодный воздух.

– Мам, он прямо... сладкий, – заметив ее недоуменный взгляд, сказал Денис. – Попробуй!

– А небо какое! – добавил Филипп, задрав голову.

София невольно подняла глаза: небо было пронзительно синим и невозможно высоким. Такой бездонный небосклон она видела лишь однажды, в египетской пустыне. Но это же Сибирь, на минуточку...

– Госпожа София?

Она растерянно оглянулась. Со стороны парковки к ним семенил коренастый мужичок в красной бейсболке; бородатое лицо расплывалось в щербатой улыбке, медведь на футболке щерил внушительные клыки.

«Во дает, в такой холод – и в одной футболке!» – машинально отметила она.

– Это вы – София? – выдохнул незнакомец, приблизившись. Оказалось, совсем еще молодой парень, лет двадцати с небольшим. Живые карие глаза на круглощекое лицо глядели с неприкрытым любопытством.

– Я, – опасливо подтвердила София. Сыновья моментально заняли позиции по обе стороны от нее. – А вы... Михаил?

– Я-то? – парень хохотнул, выразительно закатив глаза. – Что вы! Я Дима. Михаил Маркович прислал меня вас встретить. Ну и доставить, так сказать, к новому месту жительства!

– Ах вот оно что...

– А еще просил передать извинения, что сам не приехал – у него там какое-то чепе на работе. Вы же понимаете, большой человек!

София кивнула, хотя по-прежнему ничего не понимала. Скупая визитка «Михаил, поверенный» давала весьма туманное представление о статусе вручителя.

– Михаил Маркович обязательно с вами встретится, как только освободится, – энергично продолжал Дима. – Сказал, будет молодая женщина с двумя сыновьями-подростками, я жду-жду, а вас все нет и нет, ну, думаю, упустил!.. – переведя взгляд с матери на сыновей, он дружелюбно подмигнул мальчишкам. – Двойняшки?

– Погодки, – привычно буркнул Денис и демонстративно перекинул сумку в другую руку. – Куда идти?

– Так вот же она, моя ласточка! – Дима указал на серебристый «ниссан» в углу парковки и, опомнившись, потянулся к чемодану Софии. – Позвольте вам помочь, сударыня...

Чопорно-услужливая фраза настолько не вязалась с обликом парня, что София не сдержала улыбки: кино, да и только! Что ж, пока вроде бы все идет неплохо. Даже весело.

И только сев в машину – Денис нырнул на переднее сиденье, а Филипп устроился на заднем рядом с ней – вдруг сообразила: сообщение Михаилу с датой и номером рейса она отправила, как только купила билеты; но как он узнал, что она прилетит с сыновьями?

Однако додумать эту мысль ей не дали. Едва автомобиль покинул территорию аэропорта и двинулся в сторону города, мальчишки принялись восторженно комментировать виды по обе стороны шоссе. На взгляд Софии, смотреть там было решительно не на что: сплошь скучные технические конструкции посреди серо-желтых, чуть подернутых инеем пустошей. Она зябла даже в машине, несмотря на теплую куртку – а водитель Дима прекрасно чувствовал себя в футболке с короткими рукавами. Видать, сибиряки – особая порода...

– Смотри, Фил, коровы! – завопил Ден, тыча пальцем в стекло.

– Ага, точно! Что они там делают? Травы же нет уже...

– Так коровы у нас до морозов пасутся, – охотно пояснил Дима. – А бычки и кони вообще всю зиму гуляют.

– По снегу?!

– А здесь снега почти не бывает. Степь ведь кругом, ветром сдувает.

– Степь? – изумился Денис. – А где же тайга?

– Есть и тайга, куда же без нее! Если по прямой, еще километров двести – и сплошной лес, считай, до самой Монголии, там только медведи да староверы обитают... Что, впервые в наших краях?

Парни дружно кивнули. А София промолчала. Что она могла сказать: вроде была здесь однажды, но не помнит, когда именно?

– А вообще в этом регионе зимы холодные? – деловито поинтересовался Филипп. – Снег когда выпадает? И какова толщина покрова?

– Так это смотря где! – закатил глаза Дима. Роль экскурсовода ему явно нравилась. – В степях по колено, в горах по пояс. В Ергаках, кстати, еще три недели назад снег лег. Это

типа такой природный парк, Ергаки. Зимой мы с пацанами туда чуть ли не каждые выходные кататься ездим.

– На лыжах? – у Дениса загорелись глаза.

– На лыжах, на сноубордах. Там разные трассы имеются... Девчонки обожают на плюшках – а визгу-то, визгу!

– И далеко это?

– Отсюда часа два езды. Но есть горнолыжки и поближе, конечно...

– Еще ближе?! – простонал Денис. – А цены?

– Цены тоже разные. Но всяко дешевле, чем в Куршавелях, – с пониманием усмехнулся

Дима.

– А когда, говорите, лыжный сезон начинается?

– Когда? Ну давай посчитаем. Сейчас у нас только-только бабье лето закончилось, так? Даст бог, погода еще недельку-другую постоит. Потом дожди пойдут, а там, глядишь, и снег. Год на год не приходится, но в ноябре так уж точно лыжи достаем. И катаемся до конца марта...

Денис со значением глянул на брата и хотел еще что-то спросить, но тут Дима свернул на заправку.

– Сейчас бензинчику зальем и поедем дальше. Айн момент, леди и джентльмены, потеряйте чуток! – он выскочил из машины.

Восторгу Дениса не было предела.

– Мам, ты слышала? Ну разве не круто – целых полгода зимы! И лыжные трассы, считай, совсем рядом...

София вымученно улыбнулась: полгода зимы – куда уж круче... От дальнейшего лицедействия ее спас неожиданно зазвонивший мобильник. «Мамуля» – высветилось на экране. Как нельзя кстати.

– Привет, мамуля! – бодро отозвалась она, делая детям знак помолчать.

– Вы где, София? – осведомилась фрау Анна Гофман на чистейшем русском, не тратя время на церемонии. – Я получила сообщение от Джеймса, что вы собираетесь в Сибирь. Это что, шутка такая?

– Нет, не шутка. Мы уже прилетели. Сейчас едем в М.

– М?! – София никогда еще не слышала такого изумления в голосе матери. Эмоциональность, в ее понимании, была признаком слабости. – Но зачем?

– У меня тут дела.

– Какие еще дела, София? Что ты от меня скрываешь?

– Я обязательно подробно обо всем доложу, но чуть позже, ладно? Я в такси, неудобно говорить... Только скажи, ты помнишь, в каком году я приезжала с папой в М?

– В каком? – мама на секунду умолкла. – Ну, тебе было лет пять, наверное... Хотя нет, шесть. Я тогда уже в турфирме работала, меня прямо из офиса скорая увезла с аппендицитом... Отца твоего вдруг срочно вызвали на базу, стряслось там у них что-то, как всегда. А мои родители, как на зло, в санатории были. Вот Андрей и оставил тебя на пару дней у каких-то своих родственников в М – тетка у него там жила, что ли. Точно не помню. Да и ты никогда не вспоминала ту поездку... С чего вдруг? Почти тридцать лет прошло.

– Похоже, эта папина тетка оставила мне свой дом. Но я тебе потом расскажу, мамуль, обещаю. Ну все, пока! – София поспешно выключила мобильник.

Сыновья не сводили с нее глаз – ждали объяснений.

– Так ты сюда уже приезжала? – первым не вытерпел Денис.

– Давно. Мне было всего шесть лет. Я и забыла совсем, представляете? Только вчера вспомнила.

– Что вспомнила?

София уже пожалела, что проговорила.

– Да так, почти ничего. Только дом. Большой красивый дом. Остальное будто в тумане.

Тут вернулся Дима, поехали дальше. Как выяснилось, от Абакана, где они приземлились, до М было меньше часа езды. И все это время Дима увлеченно рассказывал о достопримечательностях своей малой родины. Правда, уровень его исторических познаний заметно уступал силе энтузиазма. А София лишний раз убедилась, что не зря вкладывается в образование сыновей. К тому же Филипп с малых лет отличался дотошностью, а Денис был любопытен, как сорока, так что в ожидании вылета они успели прочитать о городе М все, что могла сообщить Википедия. Тем не менее, оба вежливо внимали гиду-водителю. А тот разливался соловьем: и про тектоническую впадину, определяющую сравнительно теплый климат в районе, и про увлечение горожан садоводством и овощеводством, особенно выращиванием томатов – и это, заметьте, в самом сердце Сибири! Не обошлось и без оды на День Помидора, похоже, главного местного праздника.

– Моя матушка на даче кустов двести только грунтовых высаживает, а еще сто тепличных – весной вся квартира в рассаде. В прошлом году, не поверите, сняла вот такенное бычье сердце! – Дима показал руками шар размером с футбольный мяч.

– Сердце? – недоуменно скривился Денис

– Сорт так называется – «бычье сердце»! – хохотнул Дима. – Жалко, тот красавец до праздника не дотянул, иначе взял бы первое место как пить дать! Я бы машину поменял... Чемпиону ведь приз полагается – автомобиль, прикинь! Ну а так пришлось в салат его покрошить, с лучком, с деревенской сметанкой – целая миска получилась из одного помидора!

– Здорово, – согласился Денис, сглотнув слюну: растущий организм наконец проснулся и вспомнил про завтрак, которого не получил. – А город ваш очень старый? – он попытался сменить тему, чтобы не думать о еде.

– Очень! – важно кивнул Дима. – Уже двести лет, как М статус города получил. А поселение образовалось еще раньше. Здесь медную руду добывали, потом железную...

Слушатели снисходительно промолчали: две сотни лет – не бог весть сколько в сравнении с европейскими городами, основанными еще до нашей эры. Например, Лион, родина Дена, насчитывал две с половиной тысячи лет, а на Крите, где они зимовали в прошлом году, уже пять тысяч лет назад воздвигались крепости и храмы...

– К нам даже декабристов ссылали! – быстро сказал гид, почувствовав разочарование гостей. Сказал с гордостью.

«Нашел чем хвастаться!» – хмыкнула София. Однако молодое поколение было настроено менее скептически.

– «Во глубине сибирских руд»? – блеснул эрудицией Филипп.

– Точно! Это про нас! Вы обязательно в музей наш сходите, краеведческий. А еще есть музей декабристов. И Спасский собор, тоже древний...

– А театр? – поинтересовался Филипп.

– И театр есть, очень хороший! Я, правда, не фанат, больше кино люблю, но народу нравится... Кстати, мы сейчас мимо него проедем, покажу! И собор покажу...

Филипп тотчас уткнулся в смартфон, наверняка в поисках репертуара местного театра. На удивление родителей, не пылавших страстью к сценическому искусству, их первенец был театралом буквально с рождения: еще младенцем обожал рождественские сценки, уличные карнавалы и ярмарочные балаганы. А повзрослев, всерьез увлекся итальянской оперой и Шекспиром. Только к балету был совершенно равнодушен. «И слава богу!» – непременно добавлял Джеймс...

Окраину, застроенную промышленными уродцами, миновали быстро. Немногим дальше катили по многолюдной центральной улице. Откровенно говоря, архитектура тоже не ахти: типичные советские пятиэтажки вперемежку с большими и маленькими магазинами. Наконец оказались в старой части города. Вернее, не совсем новой. По-настоящему старым, тем более

древним, здесь даже и не пахло. София дипломатично похвалила несколько домов, построенных в конце девятнадцатого века, и постаралась не выдать эстетического разочарования при виде собора – предмета особой гордости жителей М. Ну да, не Нотр-Дам и не Фьоре, однако вполне приличный храм для поселения рудокопов и каторжников...

*«Принцесса была
Прекрасная,
Погода была
Ужасная.
Днем
Во втором часу
Заблудилась принцесса
В лесу...»*

Опять этот дурацкий стишок – с утра в голове засел! И почему вдруг вспомнился? Погода, конечно, ужасная, но кругом отнюдь не лес – какой-никакой, а все-таки город. Да и она далеко не принцесса. А вот ощущение потерянности, пожалуй, действительно присутствует. Это не ее территория. Не ее мир. Зачем, ну зачем она сюда приехала?..

София виновато покосилась на сыновей. Однако те с прежним любопытством льнули к окнам машины. Понять бы, что они так увлеченно рассматривают. Ни тебе старинных улочек с лавками и кофейнями, ни гранитно-мраморного великолепия дворцов, мостов и проспектов. Возможно, именно это и занимает ее юных, но уже бывалых путешественников – полное отсутствие привычных городских прелестей?

Спохватившись, она мысленно пожурела себя за снобизм: попробовали бы древние эллины воздвигнуть свои парфеноны в суровом сибирском климате! Следует воздать должное отважным первопроходцам: на что сил хватило, то и построили. Тем более при тогдашней логистике... София честно попыталась быть объективной. Но тут колесо машины попало в глубокую выбоину с грязной водой, и ее снова одолел скепсис: дороги можно было бы и подлатать, все же не восемнадцатый век на дворе!

Похоже, Дима подумал о том же. Чертыхнувшись, он резко свернул на боковую улицу. За металлической сеткой, едва прикрытой безжалостно обкромсанными кустами, мелькнуло унылое здание школы. И общительный водитель задался естественным вопросом:

– А вам что, в школу не надо? Осенние каникулы? Или прогуливаете, так сказать, по семейным обстоятельствам?

– Мы на домашнем обучении, – пояснил Денис. – Самостоятельно учимся, в школе только сдаем.

– Как это?

– Обычно онлайн.

– А что так? Вроде нормальные парни, ну то есть не больные...

– Просто мы с мамой много путешествуем. Пришлось бы менять школу каждые полгода, а это такая запара, согласитесь!

И Дима согласился.

Миновав квартал угрюмых бараков – а как еще назвать черные двухэтажные коробки под замшелым шифером? – они очутились в частном секторе. Теперь машина с черепашьей скоростью кралась по проулкам, лишенным не только тротуаров, но и проезжей части: остатки асфальта выкрошились еще при советской власти, а нынешняя, похоже, предпочла этого не замечать. Хлипкие, по окна вросшие в землю, латанные-перелатанные хибары с разноцветием мелких хризантем в палисадниках перемежались с домиками поновее, каркасными и кирпичными, с металлическими крышами и металлическими же заборами, но уже без палисадников. Автомобили, припаркованные у ворот, практически перегораживали дорогу. И все же Дима

как-то умудрялся объезжать бесконечные препятствия, включая невесть откуда выныривающих кошек и бросающихся под колеса собак.

– Черт тебя подери! – весело выругался он. – Во разлегся, поганец!

Мохнатый кобель, с виду настоящая лайка, грелся в лучах осеннего солнышка на единственном сухом пятачке посреди грязной колеи. И даже ухом не повел, когда Дима посигналил, объезжая его по обочине.

– Это еще ничего! За городом частенько настоящие пробки образуются, когда коровы дорогу переходят: им же некуда спешить, заразам рогатым, так ведь?

София скрепя сердце кивнула. Честно говоря, с каждой минутой поездки по замечательному городу, населенному потомками рудокопов и декабристов, она все больше жалела о своем поспешном решении явиться за наследством лично. Даже лучезарный образ сказочного терема больше не грел душу.

– А вот и Протока! – сообщил Дима, сворачивая чуть ли не в сотый раз.

Улочка, по которой они теперь ползли, и вовсе не походила на городскую: асфальта здесь не было и в помине, лужи в ямах наверняка стояли даже летом. Сквозь высокие полуголые кусты слева проглядывал пологий берег, справа же тянулись старые сады, пламенеющие всеми оттенками осени. Меж деревьев таились низенькие избушки, тоже допотопные, хотя ставни, оконные рамы и крылечки сияли свежей краской, преимущественно синей. Не успела София преисполниться сочувствием к людям, вынужденным жить в такой дыре, как машина остановилась на пригорке. Которым и заканчивалась эта, с позволения сказать, улица.

– Приехали! – объявил Дима и первый ринулся наружу. – Осторожно, скользко!

Мальчишки тотчас повывскакивали из машины. А София замешкалась, пронзенная дурным предчувствием. Но собралась с духом, выбралась-таки следом и едва успела вцепиться в плечо Филиппа: ухабистая тропинка резко срывалась с пригорка. Сердце Софии ухнуло вниз вместе с ней.

«Вдруг видит – полянка

Прекрасная,

На полянке землянка

Ужасная...»

Ох, неспроста он вылез из подсознания, этот несуразный, несмешной и совсем не детский стишок!

Тропинка упиралась в ворота, если можно так назвать полдюжины кривых досок, прибитых к широкой горизонтальной плахе. За косым забором из полусгнившего штакетника высился дом. Ну как дом – по сути, очередной образчик довоенного градостроения. С десятков таких же барачков они видели по дороге сюда. Только этот стоял в гордом одиночестве, поблескивая двумя рядами узких окон на фоне почерневшей вагонки; сбоку под серо-бурой шиферной крышей зияло еще одно, треугольное чердачное окошко. Жилой вид этому мрачному строению придавало лишь крыльцо, покрытое листом зеленого металлопрофиля, и ярко-зеленые наличники. «Слава богу, не голубые...» – промелькнула мысль. Если бы это убожество оказалось еще и «украшено» голубыми ставнями, столь популярными на просторах российской глубинки, София тотчас же развернулась бы и удрала восвояси.

– Что ж, он и вправду большой, – первым подал голос Денис. Остальное оставил без комментариев – маму пожалел.

«Сказочный терем, говоришь?» – не без горечи обратилась София к собственной памяти. Та ответила ехидным молчанием. Одно лишь не вызвало сомнений: в детстве она, София, обладала на редкость живым воображением!

Пока новая хозяйка, оцепенев, взирала сверху на свою недвижимость, энергичный Дима выгрузил багаж пассажиров. Сумки вручил мальчишкам, чемодан подхватил сам.

– Давайте руку! – он взял Софию под локоток. Спуск по тропинке, подозрительно смахивающей на канаву для стока дождевой и талой воды, требовал определенных навыков. Особенно если ты в замшевых сапожках.

И София покорно дала себя доставить вниз, все еще слабо веря в происходящее. В тот момент она и не догадывалась, что легкая перманентная отрешенность станет для нее единственным способом не свихнуться.

Зато сцену, разыгранную в этом театре абсурда минутой позже, она запомнила на всю оставшуюся жизнь. Обогнав взрослых, мальчишки ловко сбежали с пригорка, однако в растерянности застыли перед воротами, совсем как небезызвестное парнокопытное из семейства полорогих.

– Черт, как они открываются? – Денис беспомощно обернулся на водителя.

– Не ругайся, – машинально буркнула София, но тоже посмотрела на Диму.

Ворота, как известно, бывают разные: они могут распахиваться вовнутрь или наружу, разъезжаться в стороны или же подниматься вверх, как двери гаражей или решетки над мостами средневековых замков. Однако метод, продемонстрированный сибиряком Димой, жители цивилизованной Европы лицезрели впервые. Пристроив чемодан на более-менее сухую кочку, водитель развел руки пошире, ухватился за крайние доски, оторвал от земли всю конструкцию и перенес ее целиком к стене дома, рядом с угловым окном первого этажа.

София и мальчишки, открыв рты, наблюдали за манипуляциями водителя. Поэтому не сразу обратили внимание на явившийся им двор. А когда все же обратили, мягко говоря, не обрадовались. Вдоль стены дома, от забора к высокому крыльцу, шла дорожка, когда-то, похоже, отсыпанная гравием и обсаженная цветами. Но гравий давно затянула трава, а бордюры заполонила крапива, сквозь которую рыжели жухлые остатки многолетников. Крыльцо, выкрашенное все той же мутно-зеленой масляной краской, спереди окаймляли сорняки, а сзади почти полностью скрывал багряный девичий виноград. Тесный дворик переходил в сад, вернее, буро-желтую мешанину из непонятных плодовых деревьев и непомерно разросшихся кустов. В общем, сплошная осенняя унылость – и ноль очарования, что бы там ни твердил поэт.

– Ну вот, вроде бы все, доставил дорогих гостей в целости и сохранности! – Дима водрузил наконец чемодан на крыльцо и рысцой вернулся к застывшей у снятых ворот Софии. – Ах да, ключи! – он хлопнул себя по бедру, достал из кармана джинсов связку ключей и радостно протянул новой хозяйке: – Хорошо, что вовремя вспомнил, а то куковать бы вам под дверью до приезда Михаила Марковича!

– А-а... когда придет Михаил Маркович? – мгновенно выйдя из ступора, София ухватила за единственную спасательную нить.

– Думаю, до ночи точно объявится, – Дима неопределенно махнул рукой в сторону неба, но заметил испуг в глазах женщины и счел своим долгом добавить: – Да вы не переживайте, все системы в доме исправны: свет, вода, отопление. Михаил Маркович сам вчера проверил – он, знаете ли, человек в высшей степени ответственный! Ладно, обустройвайтесь... Ах да, если помощь будет нужна – всегда к вашим услугам! – он неуклюже поклонился, одновременно выуживая из заднего кармана джинсов несколько визиток, и протянул одну, наименее мятую. – У нас с братом вроде как семейный бизнес: я пассажиров вожу, а у него «газелька» грузовая, мебель там привезти или строительные материалы. Так что обращайтесь!

– Всенепременно, – вымученно улыбнулась София. Неважно, сколько бешеных кошек скребутся у тебя на душе, с людьми надо быть вежливой – так ее воспитывали.

– Ага, ну да, всене...пре...менно! – повторил новое слово Дима, явно намереваясь обогатить им свой шоферский лексикон, и поспешно удалился. Правда, с пригорка зачем-то крикнул напоследок: – Ни пуха ни пера!

– К черту! – искренне отозвалась София.

– Ма-ам? – младший сын воззрился на нее недоуменно.

– Так полагается, – пояснила она. – В данном случае это не ругательство, а... традиция. Чтобы не спугнуть удачу, охотнику желали «ни пуха ни пера», то есть ни зверя, ни птицы, а добытчик, в свою очередь, отсылал злых духов куда подальше...

– Может, все-таки войдем? – спокойный голос Филиппа прервал внеплановый урок словесности.

Оказалось, старший уже открыл входную дверь – София и не заметила, как он взял ключи из ее безвольно опущенной руки. Она медленно взошла на крыльцо по трем ступенькам немислимого грязно-морковного цвета. Затем набрала в легкие побольше воздуха и быстро, пока не успела передумать, шагнула через порог в прямоугольный зев дома.

Глава 3. День первый

София знала, как пахнут старые жилища – в начале совместной жизни они с Джеймсом два месяца ютились на заброшенной вилле. Знала, поэтому непроизвольно задержала дыхание. Но когда легкие взбунтовались, сдалась и осторожно вдохнула. Удивительно: никакой затхлости, кисловатой горечи или непрошибаемого духа плесени. В воздухе витал сладковатый запах сухой древесины с примесью аромата пряных трав.

В темноте неожиданно громко щелкнул выключатель – Филипп нащупал его справа от входа. И они наконец увидели, где оказались. Это была просторная прихожая: пол застлан рисовой циновкой, с одной стороны шкаф с зеркалом, с другой – обувница и полка для шляп, между ними два ряда кованых крючков, в углу на плетеном столике ваза с букетом сухих цветов.

– Ничего себе! – выдал Филипп, оглядевшись, и поспешно скинул грязные кроссовки, дабы не испачкать беленькую циновку.

Денис и София последовали его примеру. Затем все трое плотной кучкой двинулись к арочному проему, завешанному нитями крупных резных бус – подобные шторы продаются в индийских лавочках.

Прямо напротив арки темнела деревянная лестница на второй этаж, в обе стороны от нее тянулся сумрачный коридор, освещенный двумя окнами – по одному в каждом конце. Дощатый пол прикрывала ковровая дорожка и разноцветные круглые половички перед каждой дверью, коих здесь было с полдюжины. Все наглухо закрытые, кроме ближайшей справа, в короткой части коридора. Естественно, первым делом заглянули туда.

– Ура, кухня! – воскликнул Денис. – Умираю, как есть хочу...

Это действительно была кухня, совмещенная со столовой: просторное помещение разделяла на две части декоративная ширма. Свет включать не понадобилось, солнце било в окна сквозь яркие занавески то ли с розами, то ли с пионами.

– Сейчас кипятку сообразим, – засуетилась София.

На газовой плите стоял надраенный до блеска чайник, не электрический, обычный – как в детстве, со свистком. Она быстренько налила воды из-под крана, включила конфорку. Действительно, все исправно работало.

– У меня есть печенье, шоколадка и пара пакетиков чая, так что голодная смерть нам не грозит... – София тотчас принялась рыться в своей «самолетной» сумке, куда вмещались все допустимые килограммы ручной клади.

– А может, нормально пообедаем? Смотрите, что я нашел! – Филипп с видом фокусника распахнул дверцу холодильника.

Денис метнулся к брату.

– Ого, холодильник-самобранка! Или самобранец? Мам, как правильно?

Холодильник оказался буквально забит продуктами, включая фрукты и овощи. София проверила кухонные шкафчики и обнаружила свежий хлеб, крупы, макароны, бутылку оливкового масла, а еще пачку молотой арабики и три вида чая – черный, зеленый, фруктовый.

Недолго думая, она выдала сыновьям по йогурту и принялась готовить обед. Каждая мать знает: первым делом накорми детей, остальное может подождать.

– Слушайте, а здесь не так уж плохо, – заметил Денис, вертя в руках стаканчик с глазастой рыжей коровой на этикетке. – Йогурт так вообще супер! У меня черничный, а у тебя?

– Брусничный... – Филипп внимательно читал состав. – Представляешь, мам, их здесь же производят, в М, какой-то местный фермер. Без консервантов!

– Это вряд ли, – отозвалась София, нарезая помидоры. – Попробуй добавь в натуральный йогурт ложку варенья, любого. Как думаешь, сколько простоит?

– А тут срок хранения всего неделя! – не сдавался Филипп, с недавних пор активный сторонник ЗОЖ.

– Тогда да, возможно. Молодец фермер, что сказать. Наверняка продукция у него не из дешевых, иначе трудился бы себе в убыток... – тут София поймала себя на мысли, что ни за что не купила бы продукт с такой аляповатой этикеткой – и не узнала бы, насколько он хорош. Означает ли это, что для нее форма важнее содержания? – Найдите-ка мне лучше сковороду, приготовлю омлет.

Сковорода нашлась в нижнем шкафчике, и не одна. Кастрюли всевозможных размеров, сотейники, формы для выпечки, овощерезки, миксеры, блендеры и иже с ними... Столько разной утвари на одной кухне София еще не видала, даже у отчима. Впрочем, ее мать не особо любила готовить. А вот прежние хозяева этого дома, безусловно, питали слабость к кулинарии.

– Мам, мы пока осмотрим дом, ага? – кинув в мойку пустой стаканчик, Денис уже направился к выходу.

– Нет! – остановила его София.

– Ну ма-ам, мы быстренько!

– Нет! – она была непреклонна. – Только вместе. И лишь после того, как поедим. Помните, кто-то умирал с голоду! Лучше поищите пока тарелки и столовые приборы. И скатерть со стола уберите, – она указала на другой конец помещения: большой круглый стол покрывала белая кружевная скатерть тонкой работы.

– Зачем? – удивился Филипп. – Она красивая.

– И очень пыльная. Вот салфетки, намочите и протрите стол, пожалуйста. И стулья не забудьте! – стол окружали пять венских стульев весьма почтенного возраста, судя по трещинам на блестящем черном лаке.

Мальчики нехотя повиновались. Хорошо, что не стали настаивать на своем – София не смогла бы толком объяснить, почему не хочет, чтобы дети бродили по дому одни. Станный он, конечно, дом этот. Снаружи выглядит, как жуткий барак, а внутри очень даже мило и уютно. Правда, судя по слою пыли, пустует уже не один месяц. Ах да, Михаил ведь говорил, что долго искал ее, наследницу то есть...

Подстегиваемые любопытством, парни справились с обедом даже быстрее обычного. Однако Софии кусок в горло не лез, она выпила только кофе со сливками – судя по буренке на баночке, от того же правильного фермера.

– Что ж, пора на экскурсию, – сказала она, отставляя чашку в сторону.

Начало не предвещало ничего особенного. Кладовка напротив кухни была сверху донизу заставлена большими и маленькими коробками, заглядывать в них пока не стали. Рядом ванная с вполне современной сантехникой. Лестницу пропустили, прошли в длинную часть коридора. Денис осторожно открыл первую дверь, просунул голову внутрь и ахнул:

– Да ладно!

Это была настоящая мальчиковая комната, причем на двоих: две узкие тахты, два письменных стола, два стула – всё в зеркальной симметрии; только платяной шкаф был один. Сквозь пыльное окно сочились косые лучи солнца, падая на яркий полосатый ковер. А стены

были увешаны географическими картами – физическими, политическими, климатическими и какими-то еще, с первого взгляда не разберешь.

– Чур моя! – Денис с разбегу плюхнулся на левую койку. – Упс, не сказать, чтобы мягко...

– Так и мы не принцессы, – хмыкнул Филипп, оглядывая помещение. – Турника не хватает. И компьютера. Но в целом классная берлога.

– Вы тут остаетесь? – Софии не терпелось увидеть остальные комнаты. – Я пошла дальше.

– Мы тоже! – Денис мигом вскочил с тахты и пулей вылетел в коридор. Филипп не отставал.

Следующей оказалась небольшая спальня: мебель из светлого дерева, неброские обои, коврик и шторы в пастельных тонах. Стены украшали акварели: два морских пейзажа и натюр-морт с цветущей веточкой яблони, а может, груши или сливы – София в садоводстве не разбиралась.

– Очень мило, – сказала она. – Старомодно, конечно, но мило.

– Не хуже, чем у бабули с дедулей, – заметил Денис. – Ладно, пошли дальше.

За дверью напротив оказалась гостиная, или зала, как сказала бы питерская бабушка. Вот уж где обстановка была не просто старомодной, а действительно старинной. Два дивана с высокими спинками и широкими подлокотниками, жесткие кресла, наборный чайный столик, множество картин, богатые шторы, трехъярусная люстра с хрустальными подвесками и такие же бра на стенах. Сплошной антиквариат, причем в отличном состоянии.

– Как в музее! – изумился Филипп.

– Ага, только кресла ленточками не перетянуты и нет суровой тетки-надзирательницы, – добавил Денис.

– Смотрительницы, – машинально поправила его София, растерянно озираясь.

– Ух ты, какие часы! – Филипп указал на высокие напольные часы. Деревянный корпус украшала затейливая резьба, загадочно мерцал золотистый циферблат, однако маятник за стеклянной дверцей был неподвижен. – Жаль, что стоят... Как думаешь, их можно завести? Или они сломаны?

– Не знаю, сынок. И выяснять не собираюсь – понятия не имею, как заводятся такие штуковины...

Следующие полчаса они как зачарованные бродили по музейной зале, разглядывая картины на стенах и бронзовые статуэтки на подставках. Даже коллекция фарфоровых безделушек в застекленном шкафу – пастушки с пастушками, барышни с кавалерами, ангелочки-кошечки-собачки – здесь смотрелась органично. Трогательно.

– А тут что? – Денис приподнял край пыльного чехла в дальнем углу комнаты. – Ну ни фиги себе... Мам, посмотри!

София уставилась на блестящий черный изгиб.

– Рояль? Правда, что ли? Господи, настоящий рояль!

Она подбежала к инструменту, стянула часть чехла, провела рукой по крышке клавиатуры, затем открыла ее и благоговейно опустила пальцы на клавиши...

– Мам, может, мы сначала закончим дом осматривать? – раздался за спиной нетерпеливый голос Дениса. – Тебя только подпусти к инструменту, потом силой не оторвешь!

София горько усмехнулась: точно так говорил Джеймс, когда она садилась за фортепиано где-нибудь в гостях. Своего инструмента у нее никогда не было, не считая старинного немецкого пианино, на котором она, собственно, и училась играть, пока жила у отчима. Учительница музыки, приходившая на дом, твердила что-то о врожденных способностях...

– Сыграешь нам потом, мам? – Филипп осторожно тронул ее за плечо.

– Я мало что помню наизусть, – очнувшись, смущенно проговорила она.

– Раз есть рояль, должны быть и ноты.

– Логично, – София легонько потрепала темные кудри сына. – Что бы я без вас делала, а?

– Пропала бы, – серьезно ответил Филипп.

– Это точно... Ладно, пошли, а то Ден уже копытом бьет.

Денис, не дожидаясь их, отправился исследовать последнюю комнату на первом этаже. Он стоял в дверях, пытаясь нащупать на стене выключатель, поскольку внутри было сумрачно – дневной свет почти не проникал сквозь плотные шторы.

– Похоже, здесь нет общего освещения, – сказала София, глянув на потолок. – Попробуй включи вон тот торшер слева.

Зеленый жаккардовый абажур засиял мягким светом, и комната предстала перед ними во всей своей загадочной красе.

– Это что, библиотека? – изумился Денис.

– Для библиотеки книг маловато, – заметила София.

– Маловато? Два огромных шкафа!

И правда, в первую очередь бросались в глаза два дубовых шкафа, за стеклянными дверцами которых теснились толстые тома в одинаковых кожаных переплетах. Напротив стоял небольшой диванчик и журнальный столик. Верхнее освещение заменяла целая коллекция светильников – настенных, напольных и настольных.

– Я бы сказала, это кабинет. Видите письменный стол с полочками? Называется стол-бюро или просто бюро.

– Какой-то он маленький, и ящики в завитушках, – Денис скептически оглядел невиданный предмет мебели. – Явно девчачий.

– Скорее, дамский. А лампа, что стоит на нем – ну разве не прелесть? – София склонилась над массивным стеклянным абажуром. – Неужто и вправду Тиффани? Даже не современная реплика – оригинал, то есть начало прошлого века...

– Смотрите, роутер! – Филипп перебил ее, указав светящуюся точку в углу. – Может, тут и компьютер имеется? Ага, вот и он! – и правда, из-под верхней полки выглядывал край серебристого макбука. – А твоя родственница была не такой уж древней!

Однако Софию больше заинтересовал конверт на столе. Она нагнулась, силясь прочитать выведенную синими чернилами надпись:

– «Для Софии»...

– Так это же тебе письмо, мам! – заволновался Денис. – Читай быстрее! – он придвинул ей стул, похожий на те, что стояли на кухне, только с подлокотниками и мягким сиденьем. – Садись и читай!

А Филипп молча включил настольную лампу. Маки на витражном абажуре вспыхнули алым пламенем.

Конверт не был запечатан. София с некоторой опаской достала и развернула тонкий листок, сложенный пополам. Те же синие чернила, тот же бисерный почерк, что и на конверте. Мальчишки придвинулись ближе, стали молча читать через ее плечо – пусть, у нее не было секретов от сыновей, нет и не будет. Глубоко вздохнув, она заскользила глазами по идеально ровным строчкам:

«Дорогая София!

Ты вряд ли меня помнишь, ведь гостила в Доме всего несколько дней, к тому же была еще совсем крошкой. Но возможно, нужные воспоминания все же сохранились в твоей светлой головке и со временем проявятся. Я мечтала, что ты, повзрослев, будешь часто навещать меня. Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться. После ухода Андрея в мир иной твоя мать предпочла другую сторону света... Что ж, видимо, так было нужно.

Андрей, твой отец, доводился мне внучатым племянником, ну а ты, соответственно, троюродной правнучкой. Других наследников у меня нет. Я ждала, сколько могла, все надеялась сама познакомить тебя с Домом, однако время мое истекло.

Так что формально Дом теперь твой. Однако фактически он может и не признать тебя. Ты должна выполнить одно условие: поживи здесь неделю, одна или с мальчиками. Понравится – оставайтесь. А если нет, Михаил, мой поверенный, продаст Дом, и ты получишь наследство деньгами, которыми сможешь распорядиться по собственному усмотрению.

Отнесись к моей просьбе серьезно. Помни: ровно семь дней и семь ночей. Это важно! Для всех нас.

Искренне ваша Ираида»

– Ираида... Странное имя, – буркнул Денис, дочитав до конца.

– Просто редкое. Греческое, если не ошибаюсь, – пояснила София, одновременно пытаясь уложить в голове прочитанное.

– А что за печать внизу? – ткнул пальцем Филипп.

Действительно, внизу листа стояла небольшая печать – длинный прямоугольник, а в нем два слова заглавными латинскими буквами: LIBERALITER TRACTO.

– Это латынь, да?

– Латынь. Но выражение мне не знакомо.

В юности София не испытывала тяги к учебе. Зато когда родились Филипп и Денис, умудрилась дистанционно освоить две специальности: искусствоведа и филолога. Зачем? Чтобы обучать сыновей, разумеется.

– Так, сейчас посмотрим... – Филипп привычно загуглил непонятное выражение в смартфоне. – Хм, прикольно!

– Что там? Читай вслух! – потребовал Денис.

– «Liberaliter tracto»: буквально «учтиво обращаюсь», иначе «оказываю гостеприимство». От слова «tracto» произошло латинское «tractoria», означавшее императорское повеление оказывать данному лицу всяческое содействие в его служебной поездке; позднее трансформировалось в итальянское «trattoria» – тип ресторана, преимущественно с домашней кухней, упрощенным сервисом и ориентацией на постоянную клиентуру».

– Ну, теперь понятно, отчего кухня здесь оборудована не хуже ресторанной, – заметила София. – Чтобы гостеприимство оказывать! Трактория, таверна, а по-нашему – просто трактир...

– Значит, мы будем жить в трактире? – Денис аж подпрыгнул от восторга. – Целую неделю? Класс!

София с сомнением посмотрела на младшего, перевела взгляд на старшего:

– Так вы согласны остаться?

– Еще бы! Это же круто.

– Круто? Не уверена...

– А разве у тебя есть выбор? – Филипп смотрел на нее с недетской серьезностью. Впрочем, такой взгляд у него был с рождения. – Мам, эта женщина, ну, Ираида, завещала нам свой дом, хотя мы для нее девятая вода на киселе...

– Седьмая.

– ...с одним-единственным условием – пожить здесь неделю, прежде чем решить что-либо окончательно. Заметь, это единственная ее просьба – и при этом последняя!

София потупилась. Когда Филипп начинал так говорить, что случалось довольно часто, она ощущала себя маленькой девочкой. Они словно бы менялись ролями: он – мудрый отец, она – несмышленная дочь. Послушная дочь.

– Хорошо, если вы оба не против, мы останемся. На неделю.

– Ура! – Денис был уже у двери. – Так мы занесем сумки в комнату с картами? А твой чемодан в соседнюю, да?

– Да, конечно...

Топот двух пар ног удалился по коридору в сторону прихожей и тут же вернулся обратно, хлопнула дверь напротив, затем соседняя. Стало тихо: видимо, парни доставали из сумок свои немногочисленные вещи, так сказать, обживались. А значит, у нее появилось несколько минут относительного спокойствия. Следовало еще раз прочитать и хорошенько обдумать письмо Ираиды. Да уж, редкое имя в наше время, однако старушка наверняка родилась еще до Второй мировой...

София снова склонилась над листком бумаги. Строчки словно по линейке, буква к букве – и не скажешь, что писал старый человек. После повторного прочтения отметились две детали: во-первых, Ираида относилась к своему жилищу, будто к некоей большой ценности, даже писала «Дом» с заглавной; во-вторых, намекала, что он может и не принять новую владелицу. Что это, старческая причуда? Или за этой фразой кроется нечто более серьезное, предостережение, например? В доме идеальный порядок, не считая пыли, накопившейся за время отсутствия хозяйки, да и послание написано четко, конкретно, твердой рукой, что свидетельствует о полной дееспособности почтенной Ираиды...

Интересно, как она выглядела? София обвела взглядом комнату. Да, это точно кабинет хозяйки. Здесь она читала книги, сидя в удобном кресле под торшером. Возможно, принимала гостей, самых близких, имеющих доступ в святая святых – за тем изящным столиком они пили чай или кофе, обсуждая важные дела. А за этим старинным бюро Ираида работала: что-то писала, заполняла какие-то документы, вела учет финансов, в конце концов. Но нигде – ни на стенах, ни на столе, ни на полках – не было ни одной ее фотографии. Вообще никаких фотографий! Как, впрочем, и в других комнатах. Еще в гостиной Софии показалось странным, что картин много, а фотографий – ни одной...

– Мама! Мам, иди сюда! – донесся взволнованный возглас Дениса.

Она мигом выскочила в коридор. Сын, подбежав, схватил ее за руку и потащил в сторону лестницы.

– Что случилось, Ден? Объясни толком.

– Представляешь, второй этаж заперт! Мы хотели его осмотреть, интересно ведь, сколько тут еще комнат, а там толстенная дверь – и не открывается!

– Всего-то! – с облегчением выдохнула София. – Погоди, в связке, что передал Дима, было несколько ключей...

– Ни один не подходит, – прервал мать Филипп, осторожно спускаясь по гладким лакированным ступенькам. На пальце у него болталась связка ключей.

– Значит, нужный ключ где-нибудь на кухне. Или в кабинете. Потом поищем.

– Почему не сейчас? – надулся Денис.

– Сейчас я хочу выйти на улицу, осмотреть дом снаружи.

– Мы тоже!

– Нет. Мне нужно побыть одной, спокойно все обдумать. Пожалуйста.

– Ну ладно... – младший обиженно отвернулся.

– А вы пока гляньте в интернете, есть ли в этой ды... городе торговые центры: нужно прикупить кое-что из одежды, раз уж мы собираемся пробыть здесь целую неделю.

– Ладно, – уже веселее отозвался Денис.

– А в музей ходим? – подхватил Филипп. – Краеведческий, про который Дима говорил?

– И в музей, и в театр, и еще куда-нибудь. Мы же не обязаны безвылазно сидеть в доме – об этом в письме не было ни слова, – она заговорщицки подмигнула.

– Это точно! – хмыкнул в ответ Филипп и убежал вслед за Денисом.

Проводив сыновей взглядом, София снова повернулась к лестнице. В этот самый момент луч света из ближайшего окна коснулся нижней ступени, и она заметила то, что до сих пор скрывалось в густой тени: в нише под лестницей была еще одна дверь. Две узкие створки, закрытые на обычную щеколду. Что за ними, вторая кладовка? Но зачем тогда коврик у входа,

причем не пестрый вязаный, как перед комнатными дверьми, а самый что ни на есть уличный, резиновый? Был только один способ это выяснить. София тихонько отодвинула засов и толкнула одну половинку. Та отворилась с мелодичным скрипом, впустив в дом густой запах осени: дверь вела во двор.

Только занеся ногу над порогом, София вспомнила, что она в одних носках. Пришлось вернуться в прихожую за сапожками и курткой. И вот наконец она снаружи.

Небольшое квадратное патио разительно отличалось от переднего двора, видимого с улицы. Уютный уголок для тихого отдыха – такой легко представить где-нибудь в Англии или Германии. От сада его отделял аккуратный белый заборчик. Широкие, на двоих, качели тоже выкрашены в белый, как и керамические горшки с давно отцветшими розами. Хозяйственные постройки – сарай, дровяник или что-то в этом роде – густо оплетал девичий виноград, на его багряном фоне выгодно смотрелась компания улыбочивых гномов из натурального камня. Гладкая брусчатка была усыпана желто-красными кленовыми листьями: два стройных молодых дерева красовались по обе стороны от садовой калитки. И это больше всего удивило Софию. Она почему-то думала, что клены в Сибири не растут, только березы да осины, ну и всякие там хвойные.

Палая листва приветливо зашуршала под ногами, когда она пересекала крошечный дворик: раз уж выбралась из дома, хорошо бы заодно и сад осмотреть. Закрывая за собой калитку, София невольно оглянулась... и замерла.

*«Вдруг видит – полянка
Прекрасная,
На полянке землянка...»
Тоже прекрасная.*

Позади нее возвышался терем! Да-да, тот самый сказочный терем из детского воспоминания. Резные наличники, карнизы и прочие красоты, витые колонны по бокам и даже некоторое подобие башенки над пристройкой слева. Правда, стены дома не сияли белизной свежеструганной древесины, но и не были черно-бурыми, как с улицы: косые лучи низкого октябрьского солнца придавали им теплый оранжевый оттенок.

Как такое возможно: с одной стороны – барак, с другой – терем?! Какой-то немислимый сэндвич из красоты и уродства, две реальности, наложенные одна на другую... Здесь явно творится что-то странное. Скорее приятное, чем страшное, но все равно тревожно. Хотя причин для тревоги вроде бы нет... Или есть?

Ей нужно было подумать. Взять себя в руки, сосредоточиться и хорошенько все осмыслить. В поисках укромного местечка София устремилась в глубь сада по едва заметной тропинке.

В тени сразу стало зябко. Деревья здесь были старые, раскидистые, но низкие. София узнала только яблони – по осыпавшимся полусгнившим плодам в траве. Кое-где на ветках еще висели миниатюрные красные яблочки. Их, что ли, называют «райскими»? Если да, то Адам и Ева были весьма неприсотливы, раз соблазнились такой мелочью.

За плодовыми деревьями тянулся огород, настолько заросший сорняками, что очертания гряд едва угадывались. Заканчивался он длинными деревянными коробами с проржавевшими дугами: наверное, это и были приспособления для выращивания томатов – любимого занятия жителей города М.

Тут дорожка уперлась в еще один забор, вернее, проволочную сетку. Один угол оторвался от столбика, и София легко его отогнула. Без колебаний. Напрочь забыв, что собиралась просто тихо посидеть и подумать. Нырнула в дыру и двинулась дальше.

*«И пошла потихоньку
Принцесса...»*

Но не далеко. Оказалось, почти сразу за оградой земля резко уходит вниз. Протока. По словам водителя Димы, это был всего лишь рукав Енисея, основное русло пролегало в десятке километров от М. Вода чернела сквозь густой ивняк, вдали проглядывал противоположный берег, озаренный заходящим солнцем. Закат на реке – ну как пропустить такое зрелище? Вот бы подойти ближе к берегу!

Хм, а почему бы и нет? Из жухлой травы торчала деревянная ступенька, чуть ниже вторая, третья... и даже остатки перил. Значит, раньше этим спуском пользовались. Так почему бы и ей не попробовать? София осторожно поставила правую ногу на первую доску – вроде держит. Но едва подняла левую, гнилая деревяшка треснула, и правый каблук провалился в дыру. Непутевая разведчица качнулась всем телом и полетела вниз...

Полетела бы, если бы кто-то не подхватил ее сзади.

– Не стоит, – проговорил спокойный низкий голос. – Сибирские реки даже летом мало-приятны для купания, а в октябре тем более.

Крепкая рука взяла ее под локоть и помогла выбраться на ровное место.

– Добрый вечер, Михаил, – София наконец обернулась к своему спасителю. Пришлось еще и голову задрать – ростом он был под два метра.

– Добрый вечер, София, – усы поверенного дернулись, выдавая улыбку. – Как нога, не подвернули?

– Нога в полном порядке. И шея тоже. Благодаря вашему столь своевременному вмешательству.

– Рад служить, – Михаил церемонно склонил голову. – Осматриваете владения?

– Пытаюсь.

– Имейте в виду, река – собственность государства. Однако вид на эту излучину, особенно из окон второго этажа – целиком и полностью ваш! – строгое худошавое лицо, чуть смягченное русой бородой, оставалось серьезным, только в глазах плясали озорные искры... или это были отблески заката?

– Правда? В таком случае, почему вход на второй этаж заперт? – Софию вдруг охватило странное, неприсущее ей раздражение. – И ни один из переданных вами ключей к той двери не подходит!

Брови собеседника удивленно взмыли вверх – неестественно высоко, как ей показалось.

– Разве? Хм... Видите ли, Ираида туда редко поднималась, верхние комнаты много лет занимали жильцы...

– Жильцы?

Вот это новость! У Софии в голове тотчас возник образ придорожного трактира. А ведь только что говорила об этом с мальчиками...

– Но это было давно, – поспешно добавил Михаил. – Не беспокойтесь, я уверен, ключ скоро найдется.

– А я и не беспокоюсь!

Вранье, конечно. Пора уже самой себе признаться: ощущение тревоги не покидало ее с момента приземления в аэропорту...

– Вам не прохладно? – заботливо поинтересовался поверенный, не обращая внимания на ее колючесть. – Перепады между дневными и ночными температурами здесь порой достигают тридцати градусов по Цельсию. Резко континентальный климат, знаете ли, к нему непросто привыкнуть...

– А я и не собираюсь привыкать, – она демонстративно пожала плечами, тут же поежилась и быстрым шагом направилась обратно к дому. – Уж неделю-то как-нибудь перетерплю!

– Семь дней и семь ночей, – зачем-то уточнил Михаил, следуя за ней по пятам. – Первый день, считайте, уже прошел.

Значит, он знаком с содержанием письма Ираиды. Что ж, отлично, не придется ничего объяснять. У Софии внезапно пропала всякая охота с ним разговаривать.

Пока шли через одичавший сад, она упорно молчала. Михаил тоже безмолвствовал – почувствовал, наконец, ее нежелание общаться. Было непривычно тихо для города, пусть и небольшого: ни шума машин, ни людского гомона, лишь шелест ветра в кустах, шуршание палых листьев под ногами да надрывный лай собаки вдалеке.

– Спасибо, что проводили, – со значением сказала София, остановившись перед задней дверью дома.

– Я, собственно, хотел узнать, как вы устроились...

– Все хорошо. Ах да, большое спасибо за продукты! – она вспомнила про полный холодильник и тут же устыдилась своей резкости. – Право, вы очень заботливы...

Господи, отчего ее сегодня так бросает в крайности? Сначала огрызалась, как трудный подросток, теперь вот потянуло на светский тон позапрошлого столетия.

– Выбирал на свой вкус, вы уж простите, если что не так – представления не имею, что любит современная молодежь.

Ой ли? София посмотрела в глубокие серые глаза на умном, немного усталом, но отнюдь не старом еще лице: поверенному Ираиды было никак не больше тридцати пяти, в сущности, ее ровесник. Посмотрела и поспешно отвернулась – Михаил глядел на нее как-то уж слишком пристально, даже испытующе.

– Ладно, мой номер у вас есть. Если возникнут трудности, звоните, – сказал он. И после паузы добавил: – В любое время суток.

– Да-да, конечно, – София не сразу сообразила, что он ждет ответа. – Спокойной ночи.

– И вам... спокойной, – поверенный развернулся и мгновенно исчез в серых сумерках.

София снова поехала. Надо же, как быстро здесь темнеет! Оказывается, уже вечер, дети наверняка потеряли маму.

Парни встретили ее в коридоре.

– Ты с кем там разговаривала? – полюбопытствовал Денис. – Мы вас видели!

– Окна наших с тобой комнат выходят во двор, – пояснил Филипп, заметив ее удивление. – А окна кухни, гостиной и кабинета – на улицу.

– Тогда понятно... Это был Михаил, ну тот, который занимается завещанием Ираиды.

– А, поверенный! – с пониманием дела сказал Денис. – И зачем он приходил?

– Предложить свою помощь. В любое время суток.

– Ну правильно, дом-то старый, вдруг что-то сломается или отключится... А у нас для тебя сюрприз! Ты даже не представляешь, что мы обнаружили у себя в комнате. Фил, покажи.

Филипп держал в руках две книги, обе изрядно потертые, несмотря на добротный переплет, ручной, не типографский – большинство книг в кабинете были подобным образом защищены от влияния времени. София взяла ту, что потоньше.

– «Илиада»? Мы же читали ее прошлой зимой. Помнится, вам не понравилась...

– А ты открой, посмотри на этот, как его... форзац! – Денис с видимым удовольствием произнес редкое слово.

София послушно открыла книгу.

– Ага, тут что-то написано... «Милой Радочке от автора».

– От автора, то есть от самого Гомера, понимаешь! – в голосе сына звучало неподдельное возмущение.

– Да, не самая удачная шутка, – согласилась София. – Особенно если учесть, что слепого сказителя Гомера, вероятно, вообще не существовало. По крайней мере, так утверждают большинство современных исследователей...

– А вдруг они ошибаются? – с надеждой заметил Филипп.

– Все может быть. Но даже если «Илиаду» действительно целиком и полностью сочинил Гомер, то вряд ли на русском языке, – София глянула на год издания книги, – в 1916-ом году в городе Санкт-Петербурге... Надо же, этой книжке больше ста лет.

– Ужас, какая старая! – выпучил глаза Денис.

– Все равно не настолько, чтобы иметь подлинный автограф, – рассмеялась София. – Ну а вторая чем вас поразила?

Филипп молча протянул ей очень толстую книгу.

– Фраерман, Зайкин, – прочитала она вслух, – «Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Василия Головнина, путешественника и морехода»... Да ладно! Это же любимая книга моего детства! Я знала ее почти наизусть.

– Ты любила книжки про географические открытия? – недоверчиво скривился Денис. – Но ведь девчонки читают только про любовь. Некоторые, правда, еще и фэнтези...

– Эту книжку я обожала! Спросите у бабули с дедулей, наверняка она до сих пор лежит где-то у них на даче... Кстати, издание точно такое же – самое первое, 1950 года.

– Тоже антикварная?

– Почти.

– Чур я первый читаю! – Денис выхватил «Жизнь Головнина» из рук матери.

– Почему ты? – возмутился Филипп. – Это я ее нашел!

– Тогда... Мам, давай ты нам ее почитаешь?

– Да, мама, давай ты! – поддержал брата Филипп. – Ты давно нам не читала, с прошлой зимы.

София даже растрогалась немного. Что ни говори, приятно, когда твои уже почти взрослые сыновья хотят слушать книги в твоём исполнении.

– История Головнина, конечно, впечатляет: он совершил два кругосветных плавания, первым из русских офицеров побывал в Японии и даже в японской тюрьме. Но... конец книги грустный. Я каждый раз плакала на последней главе.

– Он умирает, Головнин? – догадался Филипп.

– Да. От холеры.

– В плаванье?

– Нет, дома. И уже немолодой.

– Ну так это нормально – все люди когда-нибудь умирают.

– Хорошо, – сдалась она. – Мне и самой интересно будет вспомнить. Только давайте сначала поужинаем или хотя бы чайку попьем...

Полчаса спустя, по-быстрому прибравшись на кухне, они отправились в гостиную – где же еще проводит вечера дружная семья, у которой есть гостиная? Мальчишки забрались на диван, София устроилась в кресле напротив. А чтобы было еще уютнее, как теперь говорят, атмосфернее, зажгла все пять свечей на жирандоли – массивном ветвистом канделябре с потускневшими от времени хрустальными подвесками.

– Вот бы камин разжечь! – мечтательно заметил Филипп.

– Я не уверена, что он работает. Дима сказал, дом обогревается природным газом. Раньше наверняка в каждой комнате стояло по печке, но потом их разобрали, провели газ. Возможно, камин оставили только для красоты.

– Надо будет уточнить у Михаила, когда он снова придет, – решил Денис. – Кстати, ты спросила у него, где ключ от двери на второй этаж?

– Спросила, но он не знает.

– Ладно, тогда завтра сами поищем. Все, читай!

История мальчика Васи, сына рязанского помещика, захватила их с головой. Это надо же – родился и вырос в деревне, среди лесов и полей, но с малых лет мечтал о море, о далеких неизведанных землях и парусниках, бороздящих бескрайний океан. Удивительно и вместе с

тем так понятно! София, Филипп и Денис – им тоже не сиделось на месте, их так же манили новые города и страны, незнакомые люди и обычаи. Возможно, когда-нибудь судьба приведет их в некое чудесное место, которое им не захочется покидать – они останутся там навсегда и даже обзаведутся собственным домом. Но пока они подобны капитану Головнину и другим славным путешественникам. Или кочевникам, вроде бедуинов и цыган. В общем, неприкаянным душам.

– На сегодня все! – София захлопнула книгу, предварительно заложив страницу фантиком от конфеты, который нашла у себя в кармане. – Скоро полночь, детям давно пора баиньки...

– В Неаполе еще даже не вечер! – пытался протестовать Денис, хотя у самого глаза уже слипались.

– Нам всю неделю жить по местному времени. Так что, мои хорошие, в душ и спать!

Четверть часа спустя она заглянула к мальчишкам: оба были уже в постели, но не спали, болтали о чем-то своем.

– Свет выключить не забудьте, – сказала она. – Спокойной ночи.

Глава 4. Первая ночь

Старомодная спальня в пастельных тонах на ближайшую неделю стала ее комнатой. Не интерьер мечты, конечно, но бывало и хуже, причем намного. Успокоив себя таким образом, София достала одежду из чемодана и переложила в шкаф, а косметичку водрузила на туалетный столик – считай, заселилась. Затем не спеша переоделась в пижаму и выключила верхний свет, оставив гореть лишь ночник в изголовье кровати. Тут же вспомнила, что хорошо бы проветрить комнату, иначе толком не выспится, подошла к окну и раздвинула занавески. За двойным стеклом чернела непривычная темень: ни уличных фонарей, ни рекламных огней, ни фар проезжающих автомобилей, лишь далекие бледные точки на горизонте, наверняка где-то за Протокой. Тускло-желтый прямоугольник лег на черный двор – это падал свет из ее окна. Рядом желтел еще один, значит, мальчишки так и не выключили лампу, никак не угомонятся от переизбытка впечатлений.

Она распахнула форточку и потянулась вверх, чтобы задернуть обратно шторы, когда краем глаза выхватила вспышку света в темноте. Снова прильнула к стеклу, посмотрела внимательнее: на черном полотне двора светились уже не два прямоугольника, а три – третий на порядок дальше и левее. Откуда он взялся? Ответ мог быть только один: свет горит в одном из окон второго этажа. Но это совершенно невозможно! Там же нет никого!

Холодок пробежал по спине, кожа покрылась мурашками. София резко задернула шторы, однако успела заметить, как во втором ряду вспыхнул еще один, четвертый квадрат.

Жильцы? Вроде бы Михаил говорил что-то про жильцов... Точно, упомянул, что Ираида раньше сдавала верхние комнаты. Получается, кто-то из них по-прежнему там живет? Тогда понятно отсутствие ключа: он у жильцов, где же еще. Днем там никого не было, она или мальчишки наверняка услышали бы, если бы наверху кто-то ходил. А ночевать, значит, явились, отперев дверь своим ключом... Нет, ей не жалко, им троим и одного этажа за глаза, но почему ее не предупредили? Михаил этот, поверенный, вроде бы деловой человек, конкретный, а туда же – дурацкими шуточками мозги девушке канифолят!.. Ден недавно просветил ее, что нынче мозги не пудрят, а канифолят...

И что теперь делать? Она ведь не успокоится, пока не разберется. А значит, надо пойти и разобраться!

Накинув на плечи кардиган, София вышла из комнаты и тихонько, чтобы не тревожить детей, направилась к лестнице. Коридор освещали маленькие дежурные лампочки, она специально оставила их включенными на случай, если кто из мальчиков захочет ночью в туалет. Такая же лампочка горела на лестничной площадке, над дверью, ведущей на второй этаж. София без колебаний дернула за ручку: заперто. Снова закрылись, значит? Не удосужившись хотя бы представиться новой хозяйке? Ну что за хамство!

В принципе, она не была ни требовательной, ни жадной, к тому же сама всю сознательную жизнь обитала в съемных квартирах. Однако беспардонность терпеть не могла. Остались без крыши – зайдите, представьтесь и живите сколько угодно, вернее, пока она дом не продаст, а там, глядишь, удастся и с новыми владельцами договориться. Но пробираться в чужой дом тайком – это как минимум непорядочно...

– Что, опять заперто?

София резко обернулась и чуть не свалилась с верхней ступеньки, хорошо еще, успела за перила схватиться. Ден и Фил, оба в пижамах, босиком, стояли у подножья лестницы и, задрав головы, смотрели на нее.

– Ты тоже свет заметила? – спросил Денис почему-то шепотом, словно это они без спроса проникли в чужое жилище. – Нам жарко стало – батареи горячие, не дотронешься! – ну вот, решили форточку открыть, смотрим, а там два верхних окна светятся!

– Да, я заметила, – София стала спускаться к детям. – Похоже, дом достался нам вместе с прежними жильцами. Однако ломать дверь среди ночи мы не будем – мы-то с вами люди порядочные, верно?

– А может, глянем со двора? – предложил Филипп. – Вдруг увидим в окно, кто там? – и, не дожидаясь остальных, кинулся к неприметной задней двери, которую София вечером обнаружила под лестницей.

Денис побежал следом, София, вздохнув, пошла за сыновьями. Дверь оказалась незапертой – ну правильно, София сама забыла задвинуть засов, когда вернулась с прогулки по саду. Хотя таинственные жильцы могли попасть в дом и через переднюю дверь, наверняка и от нее ключ присвоили.

Зябко кутаясь в кардиган, она остановилась рядом с мальчиками посреди вымощенного брусчаткой дворика и тоже задрала голову: в двух окнах второго этажа – в центральном и крайнем слева, что над ванной комнатой – действительно горел свет. В крайнем окне он был приглушен то ли шторой, то ли бумагой, и от этого казался каким-то потусторонним, зловещим. А бледный огонек в центральном окне мерцал и трепетал, словно пламя свечи на сквозняке.

– Может, это призраки? – прошептал Денис. – Что, если здесь привидения водятся, как в Хогвартсе? Вот было бы прикольно!

– А помнишь, мы ходили на «Кентервильское привидение»? – отозвался Филипп. – Может, здесь тоже обитают проклятые души? Мечтают упокоиться, но не могут...

– А мы их вызволим! – подхватил Денис.

То ли от этих разговоров, то ли от ночной сырости Софию вдруг пробрал сильный озноб.

– Тоже мне, рыцари в пижамах! – пошутила она, с трудом скрывая дрожь в голосе. – Вызволяйте кого хотите, только не за счет сна. Бегом в постель, пока не простудились!

Вернулись в дом. Парни наконец отправились спать, твердо решив, что завтра прямо с утра пойдут разбираться с призраками. Какое-то время София еще слышала их возбужденные голоса за стеной, потом все стихло. Сверху тоже не доносилось ни звука, словно и не было там никого... И тут до нее дошло: там действительно не было никого, просто прежние жильцы, съезжая, забыли потушить свет. А днем его не было видно, потому что лампочки тусклые да окна зашторены.

Ну конечно, это все объясняет! Хотя дети, конечно, расстроятся, не обнаружив в доме несчастных призраков, молящих о спасении... Она нырнула в постель, натянула одеяло на голову, чтобы быстрее согреться, и почти сразу уснула. Так и не вспомнив, что своими глазами видела, как загорелся свет наверху, сначала в одном окне, потом в другом...

Она стоит перед дверью. Дверь самая обычная: шесть квадратных филенок, белая краска местами облупилась, слева гнутая металлическая ручка; и никакой замочной скважины. Значит, точно не заперто. Она легонько нажимает на ручку, и белая дверь начинает открываться, бесшумно и неспешно. Она терпеливо ждет, пока зазор расширится достаточно, чтобы заглянуть внутрь. А пока ждет, преисполняется необъяснимой уверенностью, что в комнате за белой дверью таится нечто важное, очень важное, возможно – нет, точно! – самое важное в ее жизни. Еще чуть-чуть, и она это увидит...

Сон оборвался неожиданно резко. Белая дверь исчезла. Осталось лишь глубокое, болезненное чувство разочарования.

Что это был сон, София знала наверняка. Поняла еще до того, как проснулась. Она всегда могла отличить реальность от сновидения, с раннего детства. Стоило ей во сне удивиться чему-нибудь, испугаться, обратить особенное внимание на определенную деталь, и тотчас приходило осознание: это лишь сон, пугаться не надо, радоваться – пожалуйста, сколько угодно. А вот эту деталь (слово, действие, место, зверя или человека) следует запомнить и потом, уже проснувшись, попытаться понять. Повзрослев, она научилась искать смыслы своих видений. Все, что казалось интересным, начинала расшифровывать немедленно – во сне догадки прихо-

дили даже быстрее и легче, чем после пробуждения. Ну а если сон делался неприятен, просто приказывала себе проснуться...

Намного позже она прочла в одной книге, что эта ее забава называется «контролируемым сновидением», освоить которое способен далеко не каждый. Книга была бесспорно эзотерической – серьезная наука сторонится игр подсознания. Правда, горстка склонных к авантюризму психотерапевтов как-то все же попыталась разложить сновиденческий хаос по ячейкам архетипов; получилось не ахти, зато стало модно все свои грехи валить на коллективное бессознательное...

София вздохнула, перевернулась на другой бок и приказала себе спать дальше. Уж очень хотелось досмотреть сон с белой дверью. Увы, первая ночь в таинственном доме больше никаких видений не принесла.

Посетителей было немного: меланхоличного вида студент и степенная пожилая пара. Хлопот, считай, никаких. Им всего-то и нужно было, что встретиться и познакомиться, а дальше, как всегда, сработает безошибочная память души. Убедившись, что жена прекрасно справляется одна, Марк удалился в сад. Золотая осень – чудесная пора, однако, помимо любования, есть еще и работа.

Сын явился час спустя и застал его за обрезкой малины.

– Отец! – он издали выбросил правую руку в приветствии. Сколько времени утекло, сколько жизней сменилось, а привычка осталась! Да уж, герой – это навсегда... – Помощь нужна?

– Заканчиваю уже, – отозвался Марк. – Но если есть желание подсобить, отвези тачку под навес, я потом сожгу, в безветренный денек...

Гора сухих стеблей, колыхаясь, укатила к сараю. Марк с одобрением проводил взглядом широкую мускулистую спину своего старшего отпрыска и принялся укорачивать молодые побеги малины. Затем поправил покосившийся столбик, потуже стянул проволоку, прогнувшуюся под буйными, рвущимися на волю стеблями, собрал инструменты и тоже направился к навесу. Сын дремал на лавочке, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене сарая. Перешагнув через вытянутые вперед длинные ноги, Марк присел рядом.

– Каким ветром, Мишель?

– Все тем же, папа – восточным, – ответил богатырь, не открывая глаз.

– Проблемы? Или просто погреться пришел? У вас там небось уже снег выпал?

– Пока только в горах. А в низинах еще цветочки цветут, поздние, которые заморозков не боятся.

– Значит, проблемы...

– Да нет, – Михаил открыл глаза, сел прямо. – Просто хочу посоветоваться. Для меня женская психология – темный лес, сам знаешь.

– Но ты же как-то нашел общий язык с Радой. Она о тебе всегда хорошо отзывалась.

– Так то ж Рада, свой человек, – Михаил скупно улыбнулся. – С ней и говорить-то не нужно было, сиди и слушай, что рассказывает. А историй у нее накопилось прилично – вагон и маленькая тележка...

– Учись общаться с разными людьми, Мишель. Не вечно же тебе пацанов гонять. Сам понимаешь, специалисту с твоим опытом заведовать школой курьеров – непростительное расточительство. Юный Андре там отлично справляется.

– Я в курсе, – сдержанно кивнул Михаил. – И все понимаю. Непривычно просто.

Марк бросил на него пыливый взгляд.

– Что, барышня строптивая попалась?

– Нормальная. Вроде бы. Она только сегодня приехала, с обоими сыновьями, старшему двенадцать, младшему одиннадцать. Всего один раз с ней виделся, минут пять во дворе поговорили.

– И что не так?

– Знать бы! Шипастая она какая-то... Даже в дом не пригласила. Нет, ведет себя вполне культурно, видно, что образованная, из интеллигентной семьи. Но оборону держит, будто кругом одни враги!

– Хороша собой? – хитро прищурился Марк.

– Недурна.

– Разведена?

– Уже лет пять как. Бывший муж в Штатах живет, недавно снова женился. Но материально помогает, парни часто у отца гостят.

– А у нее есть кто-нибудь?

– Нет. И не было с момента развода – я наводил справки.

– Так может, в этом вся загвоздка? Она боится новых отношений, личной жизни, поскольку убедила себя, что главное – вырастить сыновей. Но поскольку она женщина привлекательная, приходится постоянно отбиваться от назойливых кавалеров... Учти, это только мое предположение.

– И что, если так?

– Что? Исключительно деловые отношения, вот что! Если хочешь войти к ней в доверие, конечно.

– Естественно, хочу – как иначе мне с ней работать?

– Тогда забудь, что она женщина, тем более молодая и красивая. Чтобы ни один, пусть даже крохотный флюид не потек от тебя в ее сторону...

– Пап! – возмутился Михаил, вдруг смутившись, как подросток. – Этого мог бы и не говорить.

– Не обижайся, Мишель. Я лишь советую максимально себя контролировать... Хм, теперь я понимаю, почему Рада поверенным выбрала тебя, а не Германа. Наш ловелас все испортил бы, не успев даже начать.

– Думаешь?

– Уверен. Твоя клиентка должна чувствовать себя абсолютно независимой и свободной в своем выборе, это ясно?

– Вполне.

– Никакого давления, минимум подсказок, а лучше вообще без них, пусть до всего докапывается сама! Насколько я знаю, Рада оставила ей достаточно маячков. К тому же у твоей подопечной два мальчика, те тоже не будут сидеть сложа руки. Попробуй действовать через них: что-что, а общаться с подростками ты умеешь.

– Ладно, – сразу повеселел Михаил. – Завтра пойду знакомиться. Я ведь пацанов не видел еще, говорю же, она меня на порог не пустила.

Марк на минуту задумался.

– Знаешь, а это даже хорошо. Женщина, которая дорожит своим пространством, которая защищает свой дом – это очень хорошо. Очко в ее пользу!

– Да, наверное... – Михаил неторопливо встал, потянулся. – Спасибо, пап. Пойду уже. Маму за меня обними.

– Обязательно... Стой! Говоришь, всего минут пять пообщались? А почему ты сам гостей в аэропорту не встретил? Женщина с детьми, с багажом, одна в чужом городе...

– Я послал человека их встретить и до места довезти. Меня срочно вызвали в «Илион» – Ардо был на задании, а у Сандры клиент разбушевался...

– Понятно, – Марк не стал уточнять, справился ли сын с буйным постояльцем – когда-то он полки наемников одним взглядом усмирят. – Как там наша девочка? Еще не родила?

– Скоро, как я понял. Сына ждет. Кстати, грозитя Марком назвать.

– Марком, говоришь? Хм-хм... Вот если бы она первенца Гомером назвала!

– Размечтался! – хохотнул Михаил. – Ну, пап, насмешил...

– А ты почаще смейся – дети это любят.

Михаил вмиг посерьезнел.

– Я постараюсь.

Глава 5. День второй

Ден всегда просыпался мгновенно: выпрыгивал из сна, как дельфин из воды – стремительно и радостно, в предвкушении еще одного счастливого дня. Правда, в этот раз не сразу сообразил, где находится. Вместо золотистых полос бьющего сквозь жалюзи солнца – бледный сизый свет в узком окне... Ах да, они же в Сибири! Он скосил глаза и увидел Фила: брат сидел в постели, скрестив ноги, и что-то сосредоточенно чертил в толстой тетради. У Дена была такая же – для гениальных мыслей.

– Что, таблица Менделеева приснилась? – лениво поинтересовался он. – Или генератор Тесла?

– Ага, шас! – отозвался Филипп, не поднимая головы. – Это нечто более... ак-ту-альное, – последнее слово он выговорил с особым вкусом. – И как мы вчера не заметили? Вот, сам посмотри!

Денис в два шага пересек комнату, запрыгнул на кровать к брату и уставился на рисунок.

– Что это? Удав, проглотивший крокодила?

– Это наш коридор, балда! Вот прихожая, напротив лестница, справа кухня, ванная и кладовка, слева...

– Я понял. И что?

– Обрати внимание на расположение дверей. И припомни площадь комнат.

Денис озадаченно сдвинул брови.

– Та-ак. Кухня здесь огромная, почти как вся наша квартира в Неаполе. Напротив нее – кладовка, тоже немаленькая, и ванная, где помещается даже ванна, в которой – о чудо! – можно лежать...

– А с другой стороны? – Филипп нетерпеливо ткнул карандашом в левую, более длинную часть чертежа.

– Гостиная что надо, даже круче, чем у Рихарда. Рядом кабинет – ну так, небольшой. Напротив мамина комната, рядом наша... Черт! Они же обе совсем узкие... Черт, черт, черт!

– Тише ты, маму разбудишь!

– Да тут метров пять лишних будет! – изумленно прошипел Денис.

– Четыре с половиной, – ухмыльнулся Филипп, – я шагами измерил, пока ты дрых. Если, конечно, дом не трапециевидный, что вряд ли возможно, учитывая, что все углы прямые...

– А это значит, что рядом с нашей комнатой... – от возбуждения Денис снова повысил голос и, спохватившись, зажал себе рот ладонью.

– Должна быть еще одна, – шепотом закончил Филипп. – Прямо за этой стеной! – он тихонечко постучал по карте полушарий, висевшей над его тахтой.

– Но там же нет никакой двери! С этой стороны коридора их всего две – наша и мамина...

Не в силах больше терпеть, Денис спрыгнул с тахты, неслышно приоткрыл дверь и, как был, босиком выскользнул в коридор. Ровная стена, обклеенная красивыми обоями в широкую сине-зеленую полосу, тянулась до лестницы на второй этаж. Однако пространство не выглядело пустым благодаря трем картинам, на которые они вчера не обратили внимания – впечатлений и так было выше крыши.

– Дверь должна быть где-то здесь, – выйдя следом, Филипп указал на картину, что висела посередине.

В коридоре стоял сумрак, солнце еще не добралось до боковых окон. И все же они смогли разглядеть на холсте цветущий зеленый сад и фигурку девочки на качелях. На пейзаже слева был изображен берег реки зимой, на правом – тот же берег, только осенью: блекло, безлюдно, тоскливо.

– Похоже, дверь спрятали много лет назад, – Денис чуть сдвинул угол крайнего холста. – Обои-то явно не новые, смотри, как потемнели! – и правда, сине-зеленые полосы под картиной были заметно ярче и светлее.

Не сговариваясь, они на цыпочках вернулись к себе. Из маминой спальни по-прежнему не доносилось ни звука.

– Третий час? Что за бред? – Денис поморщился, глядя на свой мобильник. – Эх, я же время забыл перевести...

– Начало девятого, – Филипп со стуком водрузил на стол увесистый круглый будильник: вчера чудом удалось его завести, а потом пришлось сунуть под матрас – так громко тикал механический динозавр. – Мама проспит еще час, не меньше – смена поясов ее всегда сбивает...

– Тогда давай искать, а, прямо сейчас? – Денис с надеждой уставился на брата. – Тайная комната, как в Хогвартсе! А вдруг там тоже монстр сидит, типа василиска?

– Размечтался! – иронично бросил Филипп, направляясь к окну.

– А что? Почему-то же ее замуровали, эту комнату. Наверное, не просто так, типа лень было лишнее помещение убирать...

– замуровали, говоришь? – пока младший брат предавался фантазиям, старший, стараясь не шуметь, осторожно открыл двойное окно – сначала створку внутреннего, затем створку внешнего – и высунулся наружу почти по пояс. – Ага, спрятали, да только не совсем!

– Что там? – Денис попытался глянуть через его голову, отчего оба чуть не вывалились во двор.

– Окно справа! – сообщил Филипп, аккуратно закрывая за собой обе створки. – На таком же точно расстоянии от нашего, как окно маминой комнаты. Только оно досками забито.

– Хорошо, что не кирпичами заложено. А доски отодрать – раз плюнуть!

– Погоди плевать. Под ним розы посажены, ну, не обычные, а которые на стену лезут, шипастые – жуть! И они полностью закрывают оконный проем, скорее всего, со двора его даже не заметно.

– Подумаешь, розы! – Денис уже натягивал джинсы и футболку. – Мы их с краю подрежем и пару досок оторвем, чтоб одним глазком взглянуть... для начала.

– Для начала надо хоть какие-то инструменты раздобыть, – Филипп тоже стал переодеваться. – Или кухонными ножами будем орудовать?

Денис застыл с носком в руке, осененный неожиданной идеей.

– А помнишь бунгало на Таити, где мы в позапрошлом году зимовали? В заднюю комнату, то есть нашу, можно было пройти только через мамину? И мы лазили через окно...

– Хочешь сказать, возможно, и не было никакой двери из коридора? – подхватил его мысль брат. – В третью комнату попадали отсюда, то есть из нашей?

– Как вариант. Тогда в стене должен быть проход. Где-то здесь! – Денис указал пальцем на карту полушарий. – Или здесь... – его взгляд скользнул в сторону и уперся в платяной шкаф.

– Ты уж определись, во что играем: в Гарри Поттера или в Нарнию.

– А мне без разницы! Так и так проверить надо.

– Нет проблем. Он почти пустой.

Филипп распахнул обе створки небольшого шкафа, самого обычного – подобный стоял в гостевой у бабули с дедулей. Слева на полках лежала их сменная одежда. Справа, в отсеке для всяких там пальто, костюмов и платьев, болталось с десяток голых вешалок-плечиков.

Решительно сдвинув их в сторону, Денис залез в шкаф и начал ощупывать заднюю стенку.

– Ух ты, здесь приличный зазор... – заметил он, подсунув пальцы под лист фанеры. – А если так? – он надавил, фанера неожиданно легко отошла, он дернул ее на себя. – Ну ни фиги себе!

В глубине шкафа таилась обычная межкомнатная дверь: белая, немного обшарпанная, с гнутой металлической ручкой.

– Ну и кто тут молодец?!

– Оба, – невозмутимо заключил Филипп. – Я вычислил недостающее помещение, ты обнаружил вход.

– Оба так оба, – кивнул Денис, не отрывая глаз от таинственной двери. – Пошли?

– Сейчас, только мобильник возьму – посветить... Ты проверь, вдруг она заперта или заколочена с той стороны?

Его опасения оказались напрасными: стоило Денису прикоснуться к ручке, как белая дверь гостеприимно распахнулась внутрь. Из темноты пахнуло пылью, затхлостью и чем-то еще непонятным, но будоражащим воображение.

– Обалдеть! Без фонарика точно не обойтись. Давай свети!

Плечом к плечу они бесстрашно шагнули в черный проем вслед за дрожащим пятном света. Но оказалось, что в помещении не совсем темно. Одна доска из тех, что скрывали окно снаружи, слегка покосилась, и сквозь брешь сочился дневной свет. Братьям удалось разглядеть узкую короткую кровать под стеганым покрывалом, комод, этажерку, пару стульев, квадратный коврик на полу. А еще конторку вместо письменного стола; они видели такую в музее и еще тогда возмутились: ну разве не дикость заставлять детей делать уроки стоя? В остальном же комната была вполне обычной. И зачем кому-то понадобилось ее прятать?

– А здесь точно девчонка жила, – прошептал Денис, указывая на комод: там сидела большая нарядная кукла, ну то есть когда-то нарядная, а теперь вся в паутине и пыли.

– Ага, и шкапулки всякие на этажерке... А там что? – Филипп посветил в угол, выхватывая из мрака низкий туалетный столик, а над ним – высокий прямоугольник, завешанный куском плотной ткани. – Может, портрет обитательницы?

Они одновременно потянули ткань за края, и та соскользнула, обнажив зеркало. Отблески фонарика заплясали на роскошной бронзовой раме, стекло тоже было чистым, ни пылинки.

– Вот это вещь! – Денис провел пальцем по блестящему завитку внизу рамы. – Старинное, должно быть. Я читал, раньше зеркала дорожные были из-за серебряной этой, как ее...

– Амальгамы, – Филипп подошел к зеркалу вплотную. – Да уж, редкая красота...

– Благодарю! – отозвался высокий голосок.

Братья замерли. Из зеркала на них глядело девичье лицо в обрамлении длинных вьющихся волос.

– Вы очень любезны, – добавила девочка, скромно улыбнувшись.

– Ага, стараемся... – пробормотал Денис и тут же ущипнул себя. Не помогло: девочка в зеркале продолжала смотреть на них, и не без любопытства. Он покосился на застывшего рядом брата: – Я же говорил, тут привидения водятся...

– Ну конечно, водятся! – незнакомка изящным движением поправила падающие на лицо локоны. Она была в пышном белом платье в синий цветочек, волосы перехвачены на макушке голубой лентой – прямо кукла, а не живая человеческая девчонка. – Иначе этот дом не назывался бы Домом Теней.

Филипп по-прежнему оторопело смотрел на девочку-куклу. И Денис понял: переговоры придется взять на себя.

– И ты, значит, тоже? – спросил он как можно беззаботнее.

– Что – тоже? – незнакомка хлопала длинными ресницами.

– Ну, привидение...

– Я? – девочка обиженно сдвинула брови. – Ну и шуточки у вас!

– Тогда кто ты? – наконец подал голос Филипп. – То есть, я хотел сказать, давай знакомиться: я Филипп, а это мой брат Денис. Можно просто Фил и Ден.

– Алиса, – чопорно кивнула девочка. – И никаких «просто».

– А-а, Алиса из Зазеркалья! – обрадовался Денис.

– Очень остроумно! – хмыкнула Алиса. – А главное, оригинально. И почему все мальчики мыслят так шаблонно?

– Чего? – возмутился Денис. – Между прочим, в нашей школе никто, кроме меня и Фила, «Алису» даже не читал, только фильм смотрели дурацкий...

– Быть того не может! – не поверила гостья. – Кэрролл – один из главных наших авторов, его проходят во всех школах трактиров.

– Школах чего? – Денис глянул на брата, но тот растерянно помотал головой.

– погодите... – темные глаза Алисы испуганно округлились. – Вы что, не из наших?

Братья снова переглянулись.

– Смотря в каком смысле, – нашелся Филипп.

Но девочка в отчаянье закрыла лицо руками.

– Вы не трактиры... – простонала она. – Ой, мамочки, что же я наделала!

Казалось, она сейчас заплачет. А когда женщина плачет, мужчины должны брать инициативу в свои руки – даже если они понятия не имеют, во что вляпались.

– А в чем проблема, Алиса? – как можно увереннее спросил Филипп.

Это сработало. Обманутая его невозмутимостью, девочка убрала руки от лица и растерянно проговорила:

– Я подумала, что вы – новые хозяева Дома Теней... И проболталась!

– Но ведь так оно и есть, мы – новые хозяева этого дома! – приосанился Денис.

– Правда? – Алиса не скрывала сомнений.

– Клянусь! Мы осматривали комнаты и наткнулись на это зеркало... и тебя в нем, ну то есть в Зазеркалье...

– В каком еще Зазеркалье? Это же обычный проход между трактирами! – Алиса вдруг решительно перешагнула через раму, и Филипп машинально подал ей руку. Опираясь на его ладонь, девочка ловко спрыгнула сначала на туалетный столик, потом на пол.

Братья попятились, освобождая место для гостьи. Она стояла перед ними, никакая не кукла и не привидение, а совершенно живая девочка лет двенадцати, то есть их ровесница. Правда, одета была чудно: в пышное платье ниже колен, с огромным синим бантом вместо пояса, белые колготки, лаковые туфельки. Может, на торжество какое-то собралась? Девчонки почему-то обожают изображать принцесс, по случаю и без. Но самое удивительное – старомодный наряд Алисе был действительно к лицу.

– Ну что, убедились? – нетерпеливо осведомилась она. Мальчики по-прежнему глазели на нее молча. – Эй, что уставились? Со мной что-то не так?

– Все так, – поспешил заверить ее Денис. – Просто... выглядишь потрясно!

– Потрясно? – длинные ресницы затрепетали. – Надо полагать, это комплимент?

– Ты, наверное, на праздник так нарядилась? Или на бал? – осмелился предположить Филипп.

– На бал? – Алиса изумилась еще больше, но потом до нее дошло. – А, вы из-за платья! Нет, это моя... рабочая одежда. Многим клиентам требуется именно такой образ девочки.

– Ты что, уже работаешь? – опешил Денис. – Где?

– В трактире, конечно. Помогаю родителям встречать гостей... Ой, мне же давно пора быть дома! Скоро новый посетитель явится...

Алиса шагнула обратно к зеркалу, но Филипп, осмелев, тронул ее за руку, кстати, мягкую и теплую.

– погоди, Алиса. Ты же еще придешь к нам?

– Да, приходи обязательно! – поддержал брата Денис. – Мы будем ждать!

Гостья в нерешительности застыла, переводя взгляд со старшего на младшего и обратно. Глаза братьев светились робкой надеждой – ну как тут было устоять?

– Ладно, загляну завтра после школы, – смиловилась она. – Хотя нет, днем я буду нужна маме. Давайте вечером после ужина.

– Давай! – дружно отозвались парни. Вечер после ужина, как известно, лучшее время для приключений. Ну и для свиданий, конечно.

Благосклонно кивнув им на прощанье, Алиса снова взошла на столик, переступила через раму и растворилась в зеркале. В глубине серебряной амальгамы теперь маячили лишь две мальчишеские физиономии, обе с дурацкими улыбками до ушей.

Тут в руке Филиппа пикнул мобильник.

– Аккумулятор садится, – сказал он, поспешно выключая фонарик. – Пора возвращаться.

Они пролезли назад через шкаф и аккуратно поставили на место фанерку: мама вряд ли будет копаться в их вещах, но порядок нужно соблюдать. К тому же они не собирались рассказывать ей о тайной комнате. По крайней мере, пока.

Едва они закрыли за собой дверь шкафа, из коридора донесся мамин голос:

– Дети, вы уже встали?

– Да, мам! – отозвался Денис.

– А я вот проспала! Если потерпите немного, напеку сырников на завтрак.

– Потерпим!

– Съешьте пока по яблоку... – легкие шаги быстро удалились в сторону кухни.

Денис взял небольшое красное яблоко – мама вчера принесла им полную вазу – и повернулся к старшему брату.

– Будешь?

– Не-а, наелся уже, – Филипп сел на подоконник и уставился на двор. – А ведь здесь тоже есть сад, там, за оградой. Представляешь, наш собственный сад! Интересно, что в нем растет?

– Ну, вряд ли апельсины и персики, как у папы... Хотя свои яблоки тоже ничего. Давай глянем, пока завтрак готовится?

– Давай, – легко согласился Филипп, спрыгивая с подоконника.

Обоим ужасно не терпелось поговорить про тайную комнату, а еще больше – про Алису, Дом Теней и загадочных трактиров. Но не обсуждать же такие невероятные вещи в обычной детской? Братья с младенчества путешествовали по миру, и приключений им в жизни вполне хватало. Однако сегодняшнее происшествие было из ряда фантастических, такое только в фильмах и книгах бывает – а вот же, случилось с ними! Но главное, это было только начало истории. В этом они даже не сомневались.

Мама гремела посудой на кухне и не заметила, как парни, прихватив из прихожей кроссовки и куртки, выскользнули во двор через заднюю дверь. Было прохладно, хотя вокруг пылали осенние краски и яркий диск солнца неторопливо восходил по безупречно синему небосклону.

– Отгадай загадку: солнце светит, но не греет – что это? – спросил Денис нахохлившегося от холода брата.

– Подстава, – буркнул тот.

– Вообще-то ответ – «сибирское бабье лето», но «подстава» тоже годится... В сад-то пойдем?

– Ну давай, раз вышли уже...

Однако добрались они только до невысокого, скорее декоративного заборчика. Пока думали, открывать калитку или просто перепрыгнуть, навстречу им из глубины сада вышел молодой бородатый мужчина, высокий и плечистый, с ящиком для инструментов в левой руке и ножовкой в правой. Завидев мальчиков, незнакомец приветливо кивнул.

– Доброе утро! – пробасил он, подойдя ближе.

– Доброе, – согласился Денис. – Вы Михаил, да?

– Он самый. А вас как звать-величать, молодые люди?

Отчего-то задетый этим фольклорным «звать-величать», Денис мстительно прищурился и выпалил:

– Келебримбор!

– Дунадан, – не моргнув, подыграл Филипп.

– О как! – в усах Михаила мелькнула улыбка. – Ну и как идут дела в Средиземье? Давненько я там не бывал.

– Идут... помаленьку... – тут Денис, не сдержавшись, рассмеялся и протянул руку: – Денис! Можно просто Ден. А это мой брат Филипп, можно просто Фил.

– А меня зовите просто Михаилом, – сказал новый знакомый, обмениваясь рукопожатиями с обоими братьями. – И на «ты», если не сложно.

– Без проблем, – легко согласился Денис. – Вы же... ты же еще совсем не старый.

– Спасибо на добром слове! – хмыкнул новый знакомый. – Я тут ваш забор чинил, тот, что в конце участка. Дыру заделал, чтобы собаки не лазили.

– Не любишь собак? – вдруг нахмурился Филипп.

– Отчего же, люблю. Сколько себя помню, в доме всегда была собака...

– У тебя есть собака?

– У родителей. У меня пока нет своего дома.

– А какой породы? – не отставал Филипп. – Ну, ваш пес.

– Трудно сказать. Всех понемногу.

– Класс! – обрадовался Филипп и тут же пояснил удивленному собеседнику: – Значит, ты действительно любишь собак. Потому что некоторые, например, Рихард, говорят, что заводить нужно только чистокровных, породистых, а дворняг следует уничтожать, чтобы генетику не портили! – он даже раскраснелся от возмущения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.